

Ж.-Ж. Сампе и Р. Госини Приключения Николая

Tom Sawyer & Co

Жан-Мак Сампэ
Рене Госини
Приключения Николая

В серию «Том Сойер и К^о»
вошли многие замечательные
произведения мировой литературы,
главные герои которых – мальчишки.
Но и девочки тоже найдут здесь
для себя немало интересного.

Книга Ж.-Ж. Сампэ и Р. Госини
«Приключения Николя» рассказывает
о беспокойной жизни французских
школьников, с которыми то и дело
происходят всякие забавные истории.

ISBN 5-93196-292-1

9 785931 962924

Tom Sawyer & C°

*Жан-Жак Сампе
Рене Тосини*

Приключения Николя

Москва

ГлФбулус

2004

УДК 821.131.1
ББК 84 (4Фра)
С17

Перевод с французского
Н. ВАСИЛЬКОВОЙ

Оформление серии
В. ГОРИНА

Художник
А. ШАХГЕЛДЯН

ISBN 5-94851-067-0
(ООО «Глобулус»)
ISBN 5-93196-292-1
(ЗАО «Издательство
НЦ ЭНАС»)

© Н.Ф. Василькова. Перевод с фр., 2004
© А.А. Шахгелдян. Иллюстрации, 2004
© ООО «Глобулус», 2004
© ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС», 2004

КРАСИВЫЙ БУКЕТ

Был день рождения мамы. Я хотел купить ей подарок. Я покупаю ей подарки каждый год, начиная с прошлого года, потому что до прошлого года я был еще слишком маленьким.

Я взял деньги из копилки. У меня было много денег, потому что мама случайно дала мне вчера десять франков. Я пошел в магазин за цветами,

красивым букетом из разных цветов, который я хотел поставить в большую голубую вазу.

Я очень боялся потерять деньги в школе и держал все время руку в кармане, даже играя в футбол на перемене. Альцест спросил меня: «Почему ты бегаешь, держа руку в кармане?» Я объяснил ему, что хочу купить цветы для мамы. Наша команда выиграла со счетом 44:32.

Когда мы вышли из школы, Альцест отправился в цветочный магазин вместе со мной. Мы вошли в магазин, и я сказал цветочнице:

– Мне нужен большой, очень большой букет цветов. Это для мамы.

Цветочница посчитала мои деньги и сказала:

– Знаешь, я не смогу дать тебе много-много цветов.

Я ужасно огорчился, но эта дама посмотрела на меня и говорит:

– Какой ты хороший мальчик!

И она взяла понемножку цветов из разных мест на прилавке и положила много зеленых листьев, так что букет получился на самом деле очень большой.

Цветочница обернула букет в прозрачную бумагу и сказала мне:

– Будь осторожнее, когда понесешь цветы домой.

Мне ужас как понравился мой букет, и мы вышли из магазина, Альцест и я. На улице мы встретили Жоффруа, Клотера и Руфуса, трех ребят из нашего класса.

— Посмотрите на Николя! — сказал Жоффруа. — Ну и дурацкий же у него вид с этими цветами!

— Тебе повезло, что у меня цветы, а то бы получил по башке, — ответил я.

Тогда Альцест предложил:

— Давай я подержу твои цветы, пока ты врежешь Жоффруа.

Ну, я отдал букет Альцесту, а Жоффруа дал мне оплеуху. Мы стали драться, а потом я сказал:

— Уже поздно, мне пора домой.

И мы перестали драться. Тогда Клотер сказал:

— Смотрите! Теперь у Альцеста дурацкий вид с этими цветами!

Тогда Альцест сильно ударил его по голове букетом. Я закричал:

— Мои цветы! Вы сломаете мои цветы!

Я как в воду смотрел! Альцест размахивал букетом направо и налево, нанося удары. И цветы летели во все стороны.

Когда Альцест наконец остановился, на голове у Клотера была целая куча зеленых листьев,

это были листья из моего букета. Я стал собирать цветы и сказал ребятам:

– Какие вы злые! Смотрите, что наделали!

– Верно, – сказал Руфус. – Вы плохо поступили с цветами Николая.

– А тебя не спрашивают! – обозлился Клотер, и они стали драться.

Альцест ушел, потому что ему хотелось есть.

Я тоже ушел со своим букетом. Теперь в нем не было множества зеленых листьев, не было прозрачной бумаги, но все-таки букет был красивый. А потом я встретил Эдеса.

– Поиграешь со мной в шарики? – спросил Эдес.

– Нет, не буду, мне надо скорее домой, чтобы отдать этот букет маме: у нее сегодня день рождения.

– Но сейчас только пять часов! – сказал Эдес.

А я так люблю играть в шарики, я всегда выигрываю. Ну, я и положил цветы на тротуар, и мы с Эдесом стали играть в шарики. Эдес проиграл и сказал, что я жульничаю. Я ему ответил, что это неправда. Тогда Эдес меня толкнул, и я упал на букет.

– Посмотри, что ты сделал с цветами для мамы!

Мы собрали цветы, которые еще уцелели, и

Эдес помог мне составить букет по-новому. Я его все-таки очень люблю: Эдес – хороший товарищ!

Когда я вернулся домой, гордиться было особенно нечем. Я даже немножко загрустил. Букет теперь был совсем маленький, правда, цветы оставались красивыми. Один цветок был чуть-чуть раздавлен, но два других были на самом деле очень красивы. Но у меня все-таки стал как будто комок в горле, словно я принес домой свой школьный дневник с одними нулями.

Я открыл дверь и сказал маме:

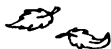
– С днем рождения, мамочка!

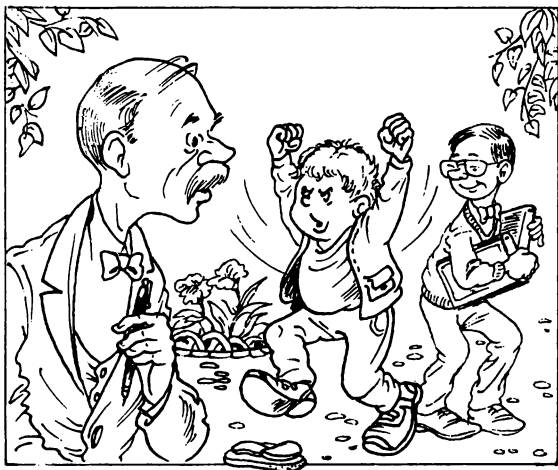
И стал плакать. Мама посмотрела на три цветочка, немножко удивилась, обняла меня и говорит:

– Спасибо, мой маленький! Какой он красивый, твой букет!

И поставила цветы в большую голубую вазу.

Какая мама у меня золотая, правда?

АЛЬЦЕСТА ИСКЛЮЧИЛИ

В школе произошла ужасная вещь: Альцеста исключили!

Это случилось на второй утренней переменке.

Мы все играли в «охотничью пулю»... Знаете, как в это играют? У кого-то «пуля» — мяч, он — охотник. Ну, он и старается попасть этой «пулей» в одного из ребят, тот плачет и сам становится охотником. Очень весело. Не играли

только Жоффруа, которого вообще не было, Аньян, который на всех переменках повторяет уроки, и Альцест, который как раз в это время ест свой последний утренний бутерброд с вареньем. Альцест всегда сохраняет самый большой бутерброд для второй перемены, потому что она длиннее других.

Охотником был Эдес. Такое случается не часто, потому что Эдес очень сильный и никому не хочется попадать под его «пулю». Все знают: когда он охотится, он делает ужасно больно. И вот, значит, Эдес нацелился в Клотера, тот бросился на землю, закрыв голову руками, «пуля» просвистела над ним и – бац! – угодила в спину Альцесту, и он уронил свой бутерброд вареньем вверх. Альцесту это не понравилось, он стал весь красный и принялся кричать. На эти крики бегом прибежал Бульон (наш надзиратель) – посмотреть, что происходит. Он не заметил на земле бутерброда, наступил на него, поскользнулся и чуть не упал. Бульон ужасно удивился: его туфля оказалась вся в варенье. Альцест жутко расстроился, стал махать руками и орать:

– Вот еще, черт побери! Вы можете смотреть, куда ставите ноги?! Это вам не шуточки, что такое вы делаете?!

Альцест здорово разозлился. Надо сказать, во-

обще никогда не стоит шутить с его едой, особенно с бутербродами для второй перемены.

Бульон был тоже недоволен.

– Посмотрите-ка мне в глаза, – предложил он Альцесту. – Можете повторить, что вы сказали?

– Я сказал, что вот еще, черт побери, вы не имеете права ходить по моим бутербродам! – закричал Альцест.

Тогда Бульон взял Альцеста за руку и повел за собой. Когда Бульон ступал правой ногой, было слышно «хлюп! хлюп!», потому что подошва его была вся в варенье.

А потом месье Мушабьер позвонил в колокольчик: перемена кончилась. Месье Мушабьер – наш новый надзиратель, у нас еще не было времени придумать ему забавную кличку.

Мы вошли в класс, а Альцест так и не вернулся. Учительница удивилась.

– Где же Альцест? – спросила она у нас.

Мы все хором стали отвечать, но тут дверь класса распахнулась, и вошел директор школы вместе с Альцестом и Бульоном.

– Встать! – скомандовала учительница.

– Сесты! – разрешил директор.

У него был недовольный вид, у директора, у Бульона тоже, а толстая физиономия Альцеста

была вся залита слезами и соплями, и он ужасно шмыгал носом.

– Дети мои, – обратился к нам директор, – ваш товарищ допустил неслыханную грубость по отношению к Буль... к месье Дюбону. Невозможно оправдать подобное неуважение к надзирателю, к старшему. За этот поступок ваш товарищ исключен из школы. Он не подумал – о, конечно, не подумал! – о тяжком горе, которое его поведение принесет родителям. А если и в будущем он не исправится, он кончит свою жизнь на каторге, – такая судьба уготована всякому невежде. Пусть все это станет уроком для вас!

Потом директор велел Альцесту собрать вещи. Альцест, плача, поплелся к своей парте. А после он ушел вместе с директором и Бульоном.

Мы все очень расстроились. Учительница тоже.

– Я постараюсь как-то это уладить, – пообещала она.

Все-таки иногда она здорово себя ведет, наша учительница!

Когда мы выходили из школы, то увидели Альцеста: он стоял на углу и ел шоколадную булочку. Он был очень печальный, Альцест, когда мы подошли к нему.

– Ты не пошел домой? – спросил я у него.

– Да нет, – сказал Альцест. – Но пора идти – время обедать. Держу пари, стоит мне рассказать маме с папой, что случилось, меня лишат десерта. Ах! Ну и денек, доложу я вам!

И Альцест двинулся к дому, еле волоча ноги и дожевывая на ходу булочку. Могло бы даже показаться, что он заставляет себя есть. Бедняга Альцест, много же у него неприятностей!

А когда мы вернулись в школу после обеда*, мы увидели маму Альцеста, у которой я бы не сказал, что был очень счастливый вид и которая держала сына за руку. Они вошли к директору, и Бульон тоже туда пошел.

Немного погодя, когда мы уже были в классе, туда зашли директор с Альцестом, который всю улыбался.

– Встать! – скомандовала учительница.

– Сесть! – разрешил директор.

И затем он нам объяснил, что намерен дать еще один шанс Альцесту. Он сказал, что делает это, думая о родителях нашего товарища, которые ужасно огорчаются при мысли о том, что их ребенок может стать невеждой и закончить свою жизнь на каторге.

– Ваш товарищ извинился перед месье Дю-

* Во Франции дети ходят в школу дважды в день: с утра и после обеда, который бывает в полдень. (Прим. пер.)

боном, и месье Дюбон был так добр, что принял его извинения, – сказал директор. – Я надеюсь, ваш товарищ будет благодарен за такую снисходительность, надеюсь, что полученный им урок пойдет впредь, послужит ему предупреждением и что впоследствии, в будущем он искупит ту огромную ошибку, которую совершил сегодня. Так?

– Ну, так... – ответил Альцест.

Директор посмотрел на него, открыл рот, потом, ничего не добавив, вздохнул и вышел.

Мы были страшно довольны, все стали говорить разом, но учительница постучала по столу линейкой и сказала:

– Все садьте! Альцест, идите на свое место и будьте умником. Клотер, к доске!

Когда прозвенел звонок на перемену, мы все пошли во двор, все, кроме Клотера, который был наказан, как каждый раз, когда его вызывают к доске. Во дворе, пока Альцест жевал свой бутерброд с сыром, мы спрашивали его о том, что было в кабинете директора. И тут пришел Бульон.

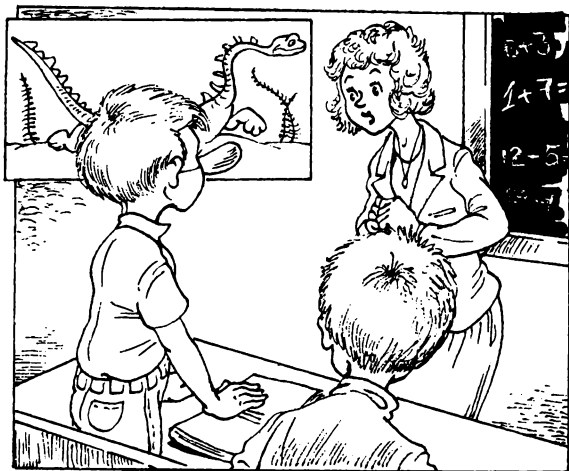
– Идите, идите, – велел он. – Оставьте вашего товарища в покое! Инцидент, который случился сегодня утром, исчерпан. Идите играть! Идите!

Он взял Мексана за руку, а Мексан толкнул Альцеста, и бутерброд с сыром упал на землю.

Тогда Альцест уставился на Бульона, стал весь красный, замахал руками и заорал:

– Вот еще, черт побери! Это просто невероятно! Вы опять начинаете! Нет, серьезно, вы же неправимы!

НОС ДЯДЮШКИ ЭЖЕНА

Сегодня в школу после обеда меня отводил папа. Я очень люблю, когда меня провожает папа, потому что он часто дает мне монетки, чтобы я что-нибудь себе купил. И на этот раз я не упустил случая. Мы проходили мимо магазина игрушек, и вдруг я увидел в витрине картонный нос, который надевают на лицо, как маску, чтобы посмешить друзей.

– Папа! – сказал я. – Купи мне нос!

Папа ответил «нет», мне не нужен никакой нос, но я ему показал на тот – большой, красный и сказал ему:

– Очень нужен, папа! Купи мне вот этот, похожий на нос дядюшки Эжена.

Дядюшка Эжен – это папин брат, он все время шутит и смеется. Мы не часто видимся, потому что он много путешествует, продавая всякие штуки где-то очень далеко: в Лионе, в Клермон-Ферране и в Сент-Этьене.

Папа ужасно развеселился.

– Точно, – сказал папа. – Можно подумать, это нос Эжена. Только поменьше. Когда он появится у нас в следующий раз, я надену этот нос и мы сравним.

А потом мы вошли в магазин и купили нос, и я его надел (он держался на резинке), и папа надел нос, и продавщица надела нос, и мы все смотрели в зеркало и хохотали. Говорите, что хотите, но мой папа – просто чудо!

Оставляя меня у дверей школы, папа сказал:

– Ну, будь умником и постарайся не заработать неприятностей с этим носом Эжена.

Я пообещал и пошел в школу.

Во дворе я увидел ребят из нашего класса, надел мой нос, чтобы показать им, и все ужасно развеселились.

– Похоже, это нос моей тети Клер, – сказал Мексан.

– Нет, – ответил я, – это нос моего дяди Эжена, того, который путешественник.

– Одолжишь мне нос? – спросил Эдес.

– Нет, – сказал я. – Если ты хочешь нос, попроси своего папу, пусть он тебе купит.

– Если не одолжишь, сейчас получишь кулаком прямо в нос! – пригрозил Эдес, он очень сильный, и вот уже – бац! – он заехал кулаком прямо по носу дядюшки Эжена.

Мне не было больно, но я боялся, что он сломает нос дядюшки Эжена, ну, я и снял его и стукнул Эдеса ногой. Мы стали драться, а ребята смотрели, как мы деремся, и вдруг прибегает Бульон. Бульон – это наш надзиратель, и когда-нибудь я вам расскажу, почему его так прозвали.

– Ну, – сказал этот самый Бульон, – что тут происходит?

– Дело в Эдесе, – ответил я. – Он заехал мне кулаком в нос и сломал его.

Бульон вытаращил глаза, наклонился, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим, и сказал:

– Дай-ка я взгляну.

Тогда я вытащил из кармана нос дядюшки Эжена и показал ему. Не знаю, почему, но Буль-

он ужасно разозлился, когда увидел нос дядюшки Эжена.

– Посмотрите-ка мне в глаза! – велел Бульон, выпрямляясь. – Я не люблю, когда надо мной подшучивают, дружок. Останетесь в школе после уроков, понятно?

Я стал плакать, а Жоффруа говорит:

– Нет, месье, он не виноват!

Бульон посмотрел на Жоффруа, улыбнулся и положил руку ему на плечо.

– Отлично, малыш! Разоблачить себя, чтобы спасти товарища – какой благородный поступок!

– Еще чего! – сказал Жоффруа. – Он не виноват, но виноват Эдес.

Бульон стал весь красный, несколько раз открыл рот, будто хотел что-то ответить, но не смог, а только потом объявил, что Эдес останется после уроков, Жоффруа останется после уроков и Клотер тоже – за то, что он смеялся. И пошел звонить в свой колокольчик.

В классе учительница как раз принялась рассказывать нам историю Франции времен вторжения галлов, когда Альцест, сидевший рядом со мной, спросил, на самом ли деле нос дядюшки Эжена сломан. Я сказал, что нет, что он только помят – самый кончик, и вытащил

его из кармана посмотреть, можно ли этот кончик починить. И все вышло просто классно: я засунул палец внутрь носа, выправил впаяну, и нос стал точно таким же, как раньше. Я, конечно, очень обрадовался.

– Надень, я посмотрю, – попросил Альцест.

Я залез под парту и надел нос, а Альцест посмотрел и сказал:

– Все нормально, нос в порядке.

– Николя! Повторите то, что я только что сказала! – закричала учительница, и я ужасно испугался.

Я сразу же встал, и мне очень захотелось заплакать, ведь я не знал, что сказала учительница, а она терпеть не может, когда ее не слушают. Учительница посмотрела на меня такими же вытаращенными глазами, какие на переменке были у Бульона.

– Это... Это что такое у вас на лице? – спросила она.

– Нос, который купил мне мой папа, – плача, объяснил я.

Учительница рассердилась и стала кричать, что не любит шутов гороховых и что если я буду продолжать в том же духе, меня выгонят из школы, и я останусь невеждой и буду позором своей семьи. А потом она мне сказала:

– Дайте сюда этот нос!

Тогда я, плача, подошел к ней, положил нос на стол, а она мне сказала, что конфискует его, а потом заставила спрягать глагол в предложении: «Я не должен приносить картонный нос на урок истории, не имея другой цели, как выставить себя шутом гороховым и отвлечь товарищей от учебы».

Когда я вернулся домой, мама посмотрела на меня и спросила:

– Что с тобой, Николя? Какой-то ты бледненький...

И я опять заплакал и объяснил маме, что Бульон велел мне остаться после уроков, когда я вынул нос дядюшки Эжена из кармана, и что во всем виноват Эдес, который сплюснул кончик носа дядюшки Эжена, и что учительница заставила меня спрягать глагол в длинном предложении из-за носа дядюшки Эжена, а сам нос конфисковала.

Мама очень удивленно глядела на меня, потом приложила руку к моему лбу и сказала, что мне надо немного полежать и отдохнуть.

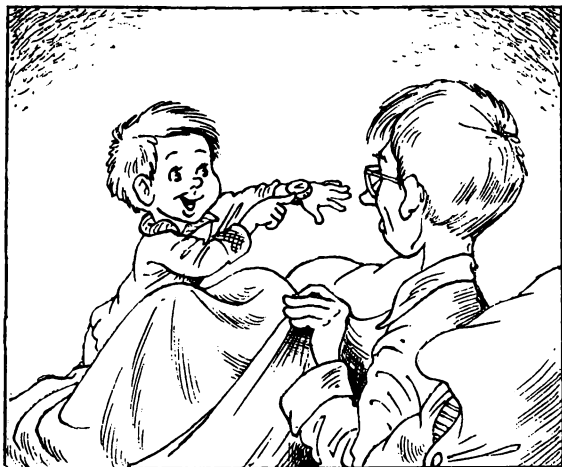
А когда папа пришел с работы, мама ему и говорит:

– Как я тебя ждала! Я очень беспокоюсь: малыш вернулся из школы сам не свой. Не знаю, может быть, стоит позвать доктора?

— Ну, конечно, — это папа ей отвечает, — я был уверен, что так будет, я же предупреждал! Держу пари, у этого легкомысленного мальчишки, нашего сына, были неприятности из-за носа Эжена!

И тут мы очень испугались, потому что мама вдруг почувствовала себя плохо и пришлось вызвать ей доктора.

ЧАСЫ

Вчера был мой день рождения. И вот прихожу я вечером из школы, а к нам звонит почтальон: он принес мне посылку. Это был подарок от бабули. Классный подарок, вам нипочем не догадаться, какой! Часы с браслетом! Моя бабуля и мои часы — просто чудо, а мои друзья, когда увидят, обзавидуются!

Папы не было дома – у него был какой-то деловой ужин, а мама показала мне, как надевать часы, и застегнула браслет у меня на руке.

К счастью, я уже хорошо разбираюсь во времени – не так, как в прошлом году, когда я был маленький, и теперь мне не придется постоянно у кого-то спрашивать, который час на моих часах, ведь это не всегда удобно.

Что в моих часах особенно замечательно – это большая стрелка, которая кружится быстрее двух других. Заметить движение тех можно, только если вглядываться долго и пристально. Я спросил у мамы, зачем нужна эта большая стрелка, и она ответила, что она может быть весьма полезна, когда, например, варишь яйца всмятку.

К сожалению, когда мы собрались ужинать, мама и я, ровно в 7 часов 32 минуты, не надо было варить яйца всмятку. Я ел, глядя на часы, и мама сказала, чтобы я поторопился, а то суп остынет. Ну, я и прикончил суп за два с половиной оборота большой стрелки и еще чуть-чуть. В 7 часов 51 минуту мама принесла кусок чудного пирога, который остался от обеда, и мы встали из-за стола в 7 часов 58 минут.

Мама разрешила мне немного поиграть, и я за-

нялся своими часами. Я приложил к ним ухо, чтобы слушать «тик-так», а потом, в 8 часов 15 минут, мама велела мне идти спать. Я был так же счастлив, как тогда, когда мне подарили авторучку, от которой везде оставались кляксы. Я хотел оставить часы на руке на время сна, но мама сказала, что это может быть им вредно, и тогда я положил их на ночной столик так, чтобы хорошо их видеть, поворачиваясь на бок, и мама погасила свет в 8 часов 38 минут.

И это было потрясающе! Потому что, представляете, цифры и стрелки на моих часах светились в темноте! Даже если бы я решил сварить яйца всмятку, мне бы не понадобилось зажигать свет. Мне совсем не хотелось спать, я то и дело смотрел на часы и вот в какой-то момент услышал, как хлопнула входная дверь. Это вернулся папа. Я был очень доволен, потому что теперь мог показать ему бабулин подарок. Я встал, надел часы на руку и вышел из своей комнаты.

Я увидел папу: он на цыпочках поднимался по лестнице.

— Папа! — закричал я. — Смотри, какие классные часы прислала мне бабуля!

Папа очень удивился, так удивился, что чуть не упал с лестницы.

– Тише, Николя! – прошептал он. – Тише, а то разбудишь свою мать!

Зажегся свет, и мы увидели, что мама выходит из спальни.

– Его мать проснулась, – сказала мама папе, и вид у нее был недовольный, а потом она спросила, разве в такое время люди возвращаются с делового ужина.

– А что? – удивился папа. – Еще не слишком поздно.

– Ровно 11 часов 58 минут, – ужасно гордо произнес я, потому что мне было приятно помочь маме и папе.

– Твою мамашу всегда осеняют дивные идеи насчет подарков! – заметил папа, обращаясь к маме.

– Как раз подходящий момент обсуждать мою маму, особенно при малыше, – ответила мама, и было видно, что она не шутит, а потом она мне сказала: иди спать, мой дорогой, иди баиньки.

Я вернулся в свою комнату, оттуда мне было слышно, как мама с папой еще немного поговорили, и я стал засыпать в 12 часов 14 минут.

Я проснулся в 5 часов 7 минут, начинало светать, и это было очень жаль, потому что цифры на моих часах уже не так сверкали. Я не спешил

вставать, ведь в этот день в школе не было занятий, но тут я вспомнил: я же могу помочь папе, который всегда жалуется, что его начальник на работе сердится на него за опоздания.

Я немного подождал – до 5 часов 12 минут – потом отправился в спальню папы и мамы и закричал:

– Папа! Уже утро! Ты опоздаешь на работу!

Папа, кажется, снова здорово удивился, но теперь это было не так опасно, как на лестнице, потому что он лежал в кровати и не мог упасть. Мама тоже сразу проснулась.

– Что случилось? Что такое? – спрашивала она.

– Это часы, – объяснил ей папа. – Кажется, уже утро.

– Да, – подтвердил я. – Уже 5 часов 15 минут и скоро будет 5 часов 16 минут.

– Bravo! – воскликнула мама. – А теперь отправляйся обратно в постель – мы проснулись.

Я отправился обратно в постель, но мне пришлось возвращаться к ним еще три раза: в 5 часов 47 минут, в 6 часов 18 минут и в 7 часов 2 минуты, чтобы папа и мама наконец встали.

Мы сидели за столом и завтракали, а папа вдруг как закричит маме:

– Двигайся немного быстрее, дорогая, дай мне кофе, я же опоздаю, я жду уже пять минут!

– Восемь, – поправил я, и мама, вернувшаяся с кухни, как-то странно на меня посмотрела.

Когда она разливала кофе по чашкам, то немного пролила на клеенку, потому что руки у нее дрожали. Надеюсь, она не заболела, моя мамочка!

– Я приду обедать пораньше, – сказал папа. – Поспею к первому.

Я спросил у мамы, как это папа «поспеет», но она сказала, чтобы я не думал об этом, а шел бы играть на улицу.

В первый раз я пожалел, что сегодня нет занятий: мне так хотелось показать свои часы ребятам! В школе единственный, кто уже приходил с часами, да и то только однажды, был Жоффруа. Он принес часы своего папы – большие часы с крышкой и на цепочке. Они были очень красивые, часы папы Жоффруа, но, кажется, он взял их без спросу, у него была куча неприятностей, и мы больше никогда у него часов не видели. Жоффруа так выпороли, – он рассказывал, – что чуть не случилось такое... Мы бы его тоже могли никогда больше не увидеть!

Я пошел к Альцесту – приятелю, который жи-

вет рядом со мной, толстяку, обожавшему покушать. Я знал, что он встает рано, потому что на завтрак ему нужно много времени.

– Альцест! – крикнул я, остановившись перед его домом. – Альцест, выходи! Посмотри, что у меня есть!

Альцест вышел, в руке у него был один круассан*, во рту – другой.

– У меня есть часы! – сказал я Альцесту и протянул к нему руку с часами на уровне кончика того круассана, что был во рту.

Альцест скосил глаза, потом проглотил свой круассан и сказал:

– Ничего себе!

– Они отлично ходят, у них есть стрелка для яиц всмятку, и они светятся ночью, – объяснил я.

– А внутри они какие? – спросил Альцест.

А я-то и не подумал посмотреть!

– Подожди, – сказал Альцест и бегом побежал к себе домой.

Вышел оттуда он с еще одним круассаном и с перочинным ножом.

– Давай твои часы, – сказал Альцест, – я их открою. Ножом. Я знаю, как это делается: я уже открывал папины.

* Круассан – слоеный рогалик, обычно французы едят такие рогалики за завтраком.

Я протянул часы Альцесту, и он принялся орудовать ножом. Я испугался, что он сломает мои часы, и говорю:

– Отдай часы!

Но он не хотел, он высунул язык и старался открыть часы. Тогда я решил отобрать их силой, нож скользнул по пальцу Альцеста, Альцест закричал, часы открылись и упали на землю в 9 часов 10 минут.

Когда я, плача, пришел домой, они все еще показывали 9 часов 10 минут. Часы остановились. Мама обняла меня и сказала, что папа их починит.

И когда папа пришел обедать, мама дала ему мои часы.

Папа повертел маленькую кнопочку, посмотрел на маму, посмотрел на часы, посмотрел на меня и сказал:

– Послушай, Николя, эти часы уже нельзя починить. Но это не помешает тебе играть с ними, даже наоборот: теперь им ничто не угрожает, а выглядеть у тебя на руке они будут по-прежнему отлично.

Казалось, он был доволен. Мама тоже была так довольна, что и я развеселился.

Теперь мои часы всегда показывают ровно

4 часа: хорошее время, время шоколадных булочек. А ночью цифры и стрелки, как и раньше, светятся.

Это правда чудесный подарок – подарок моей бабули. И очень полезно иметь часы!

ВЫПУСКАЕМ ГАЗЕТУ

На перемене Мексан показал нам подарок своей крестной: типографию. Это такая коробочка, в которой лежит куча резиновых буквочек, эти буквочки вставляют в такой специальный зажим и можно набрать какое угодно слово. Потом прижимаешь это слово к чернильной подушечке —

такой, как на почте, – и печатаешь его на бумаге. И получаются слова печатными буквами, как в газете, которую читает папа и всегда кричит, потому что мама забирает у него страницы, где нарисованы платья, где реклама и рецепты всего вкусного. До чего же классная эта типография Мексана!

Мексан показал нам, что он уже сделал с помощью своей типографии. Он вынул из кармана три листа бумаги, где было напечатано «МЕКСАН» много-много раз и в разных направлениях.

– Куда лучше, чем когда написано ручкой! – сказал Мексан, и это была правда.

– Эй, парни, – предложил Руфус, – а что, если выпустить газету?

Идея была действительно замечательная, и мы все согласились, даже Аньян, любимчик учительницы, который обычно не играет с нами на переменках, потому что повторяет уроки. Он ненормальный, этот Аньян!

– А как будет называться газета? – спросил я.

Тут мы не смогли договориться. Одни предлагали назвать ее «Классной», другие – «Победоносной», еще кто-то – «Потрясающей» или «Бесстрашной». Мексан сказал, что пусть она так и называется «Мексан», и разозлился, когда Альцест назвал его предложение идиот-

ским и в свою очередь посоветовал, чтобы газета называлась «Лакомка», как колбасный магазин рядом с его домом. Ну, в общем, решили, что название можно найти и потом.

— А что мы будем печатать в газете? — поинтересовался Клотер.

— Да то же самое, что в настоящих газетах, — сказал Жоффруа. — Кучу новостей, фотографии, рисунки, истории про воров и такие, где полно трупов, и биржевой курс.

Мы не знали, что такое «биржевой курс». Тогда Жоффруа объяснил, что это множество цифр, мелко-мелко напечатанных, и что именно они больше всего интересуют его папу. Но Жоффруа не стоит верить, когда он что-нибудь рассказывает: он ужасный врун и всегда говорит невесть что.

— Я не могу печатать фотографии, — заявил Мексан. — В моей типографии есть только буквы.

— Но можно ведь что-нибудь нарисовать, — сказал я. — Я, например, умею рисовать замки с бойцами, которые их атакуют, и дирижабли, и самолеты, которые их бомбят.

— А я могу нарисовать карту Франции со всеми департаментами, — похвастался Аньян.

— А я один раз нарисовал маму, как она накручивает волосы на бигуди, — сообщил Клотер, — но

мама порвала рисунок, а папа, наоборот, смеялся, когда увидел его.

— Все это неплохо, — сказал Мексан, — но если вы займете все место своими дурацкими рисунками, мне негде будет напечатать что-нибудь действительно интересное.

Я спросил у Мексана, не хочет ли он в морду, но Иоахим сказал, что Мексан прав и что он сам писал сочинение о весне, за которое получил 12 баллов, и что было бы здорово его напечатать в газете, потому что там он рассказывает о цветах и птичках, певших «чик-чирик».

— Думаешь, кто-то станет тратить буквы на твои «чик-чирики»? — спросил Иоахима Руфус, и они стали драться.

— А я, — сказал Аньян, — мог бы помещать в газете задачки и просить читателей прислать решение. Можно было бы ставить им отметки.

Все стали хохотать, а Аньян заплакал и сказал, что все злые, всегда над ним смеются, и что он пожалуется учительнице, и всех накажут, и что он больше ничего не скажет, и что так нам и надо.

Тогда Иоахим и Руфус стали драться с Аньяном, и он ревел, и ничего нельзя было расслышать, очень трудно выпускать газету с такими ребятами!

– А когда газета будет напечатана, что с ней делать? – спросил Эдес.

– Как что? – удивился Мексан. – Продавать! Газеты для того и делаются: их продают, становятся ужасно богатыми и покупают кучу всего разного.

– А кому ее продавать? – спросил я.

– Ну, – сказал Альцест, – людям на улице. Надо бегать и кричать «Специальный выпуск!», и тогда все дадут монетки.

– Но у нас будет только одна газета, – сказал Клотер, – значит, мы не получим много монет.

– Почему? Я ее продам за большие деньги, – не уступал Альцест.

– Почему это ты? Я буду ее продавать! – закричал Клотер. – У тебя пальцы вечно жирные, ты насажаешь пятен на газету, и никто не захочет ее купить!

– Сейчас увидишь, какие у меня жирные пальцы! – пообещал Альцест и ткнул своими пальцами прямо в лицо Клотеру, и это меня здорово удивило, потому что Альцест обычно не любит драться на переменах: это мешает ему есть. Но на этот раз он уж очень разозлился, и Руфус с Иоахимом стали потихонечку толкать друг друга, чтобы оставить Альцесту и Клотеру место, где можно как следует подраться. Но на

самом деле у Альцеста пальцы и правда всегда жирные: когда с ним здороваешься, рука у него скользкая.

– Ладно, решено, – объявил Мексан, – главным редактором газеты буду я.

– Почему это, скажите, пожалуйста? – удивился Эдес.

– Потому что типография моя, вот почему, – ответил Мексан.

– Минутку! – закричал Руфус, подбегая к ним. – Это я придумал выпускать газету, значит, главным буду я!

– Нет, ты от меня так не отделаешься! – сказал Иоахим. – Мы же дрались! Ты никакой не друг!

– Ты свое получил! – ответил Руфус, у которого текла кровь из носа.

– Не смейся меня! – сказал весь исцарапанный Иоахим, и они опять стали драться рядом с Альцестом и Клотером.

– Повтори-ка, что я жирный! – кричал Альцест.

– Ты жирный! Ты жирный! Ты жирный! – кричал Клотер.

– Если не хочешь получить кулаком в нос, – сказал Эдес, – то ты, Мексан, поймешь, что главным буду я!

– Думаешь, я испугался? – спросил Мексан.

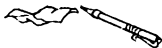
Я-то думаю, он правда испугался, потому что, произнося эти слова, попятился назад.

Но Эдес толкнул Мексана, и типография упала на землю, и все буквы рассыпались.

Мексан стал весь красный и набросился на Эдеса.

Я попытался собрать буквы, но Мексан наступил мне на руку, тогда – как только Эдес оставил мне чуть-чуть места, – я размахнулся и врезал Мексану прямо по физиономии, а потом Бульон (это наш надзиратель, но вообще-то «Бульон» – не настоящее его имя) пришел нас разнимать. И это было совсем не весело, потому что он отобрал у нас типографию, сказал, что мы все негодяи и бездельники, велел остаться после уроков, позвонил в колокольчик и повел Аньяна к врачу, потому что тот заболел. Много у него дел оказалось, у этого Бульона!

Газету мы выпускать не будем. Бульон не хочет отдавать типографию до летних каникул. Ладно уж, все равно нам не о чем в ней писать: у нас никогда ничего не происходит.

РОЗОВАЯ ВАЗА

Я был дома, играл в мяч и вдруг – бац! – разбил в гостиной розовую вазу.

Прибежала мама, я заплакал.

– Николя! – сказала мама. – Ты же знаешь: нельзя играть дома в мяч. Посмотри, что ты наделал! Ты разбил розовую вазу в гостиной! Твой папа очень ею дорожит, этой вазой. Когда он придет с работы, ты признаешься ему в своем

проступке, он тебя накажет, и это послужит тебе прекрасным уроком.

Мама собрала с ковра осколки вазы и пошла на кухню. А я продолжал плакать, потому что, зная папу, всякий догадался бы: добром с этой вазой дело не кончится.

Папа пришел с работы, уселся в кресло, развернул газету и стал читать. Мама позвала меня в кухню и говорит:

– Ну? Ты рассказал папе, что сделал?

– Я не хочу рассказывать, – объяснил я и стал плакать еще сильнее.

– Ах, Никола, ты же знаешь, я не люблю такого, – сказала мама. – В жизни надо быть мужественным. Ты уже большой мальчик. Сейчас ты пойдешь в гостиную и во всем признаешься папе.

Вот всегда у меня неприятности, когда мне напоминают, что я уже большой мальчик! Это точно. Но поскольку было видно, что мама не шутит, я поплелся в гостиную.

– Папа... – позвал я.

– Мм? – сказал папа, не отрываясь от газеты.

– Я разбил розовую вазу в гостиной, – очень быстро протараторил я, и в горле у меня стал большой комок.

– Мм? – опять промычал папа. – Ну что ж, это очень хорошо, иди, малыш, играй.

Я – ужасно довольный – вернулся на кухню, и мама спросила:

– Ты поговорил с папой?

– Да, мама, – ответил я.

– И что он тебе сказал?

– Сказал, это очень хорошо и – иди, малыш, играй!

Маме это почему-то совсем не понравилось.

– Ну и ну! – сказала она и отправилась в гостиную.

– Та-ак! – сказала она там папе. – Значит, вот как ты воспитываешь ребенка!

Папа, очень удивленный, поднял глаза от газеты.

– Что ты сказала? – спросил он.

– Нет, я тебя умоляю, не прикидывайся прощачком! – попросила мама. – Конечно, ты предпочитаешь спокойненько читать свою газету, а я, я должна обеспечивать дисциплину!

– Действительно, – ответил папа, – мне нравится читать газету, но, кажется, в нашем доме это невозможно.

– Ну да! Ну да! Господину нравится читать в свое удовольствие! Шлепанцы, газета, а на меня свалить всю грязную работу! – закричала мама. – А потом ты станешь удивляться, когда твой сын собьется с пути!

– Но, в конце концов, – закричал папа, – что ты от меня хочешь? Чтобы я порол мальчишку, едва войдя в дом?

– Ты отказываешься нести ответственность, – объяснила мама. – Твоя семья тебя нисколько не интересуется.

– Вот это да! – закричал папа. – Я работаю как каторжный, выношу приступы дурного настроения начальника, который лишает меня всякой радости, чтобы вы – ты и Никола – не испытывали нужды...

– Я тебе сто раз говорила: ни слова о деньгах в присутствии ребенка! – напомнила мама.

– Меня с ума сведут в этом доме! – кричал папа. – Но здесь все переменится! Да! Да! Да! Здесь все переменится!

– Моя мать предупреждала меня, – вздохнула мама, – надо было ее послушать.

– А-а-а! Твоя мать! Удивительно, как это она еще не заявила сюда, чтобы вмешаться в разговор! – кричал папа.

– Оставь мою мать в покое! – кричала мама. – Я запрещаю тебе говорить о моей матери!

– Но не я же первый... – начал было папа, но тут позвонили в дверь.

Это был месье Бледюр, наш сосед.

– Я пришел спросить, не хотите ли сыграть партию в шашки, – сказал он папе.

– Вы как раз вовремя, месье Бледюр, – обрадовалась мама. – Сейчас вы нас рассудите. Как вы думаете, должен отец активно участвовать в воспитании сына?

– Откуда ему знать? У него же нет детей! – заступился за соседа папа.

– Это не причина, – сказала мама. – У дантистов никогда не болят зубы, но они же лечат их другим людям!

– С чего ты взяла, что у дантистов никогда не болят зубы? – удивился папа. – Ну рассмешила!

И он стал хохотать.

– Вот видите, месье Бледюр, вот видите, он насмехается надо мной! – закричала мама. – Вместо того, чтобы заниматься своим сыном, он щеголяет остроумием! Что вы об этом думаете, месье Бледюр?

– Думаю, с пашками сегодня ничего не выйдет, – сказал сосед. – И ухожу.

– О нет! – остановила его мама. – Вы встряли в разговор и теперь уж доведете дело до конца.

– Не может быть и речи! – закричал папа. – Этому дураку, которого никто не звал, нечего здесь делать. Пусть возвращается в свою конуру!

– Послушайте... – начал месье Бледюр.

– О-о, вы, мужчины, все одинаковы! – воскликнула мама. – Вы стоите друг друга. И потом,

вам лучше в самом деле вернуться к себе домой, чем подслушивать под дверьми у соседей!

– Ладно, сыграем в шашки в другой раз, – сказал месье Бледюр. – Всего доброго. До свидания, Николая.

И наш сосед ушел.

Я не люблю, когда мама с папой ругаются, но что я очень люблю, – это когда они мирятся. Так и произошло. Мама стала плакать, а папа загрустил и сказал: «Ну... Ну... Ну...», а потом он поцеловал маму и сказал, что он ужасный грубиян, а мама сказала, что она сама виновата, а папа сказал, что нет, это он виноват, и они засмеялись, и обнялись, и обняли меня, и сказали мне, что все это было просто так – для смеха, а мама сказала, что пойдет пожарит картошку.

Ужин получился очень милый, все всё время улыбались, а потом папа сказал:

– Знаешь, дорогая, я думаю, мы были немного несправедливы по отношению к этому славному Бледюру. Пойду позвоню ему и скажу, чтобы зашел выпить кофейку и поиграть в шашки.

Месье Бледюр пришел, хотя было видно, что он все-таки побаивается.

– А вы не начнете опять спорить? – спросил он.

Но мама с папой расхохотались, взяли его за руки и повели в гостиную. Папа поставил доску

на маленький столик, мама принесла кофе, а мне достался намоченный в кофе кусочек сахара.

А потом папа поднял голову и с ужасно удивленным видом говорит:

– Ну и ну... А куда же подевалась из гостиной розовая ваза?

НА ПЕРЕМЕНКЕ ДЕРЕМСЯ

- Врун! – сказал я Жоффруа.
- Ну-ка повтори! – сказал он.
- Ты врун! – повторил я.
- Да? Да? Я врун? – спросил он.
- Да, врун, – опять сказал я, и прозвенел колокольчик на урок.
- Ладно, – сказал Жоффруа, пока мы строились, – на следующей переменке деремся!

– Согласен, – ответил я, потому что, вы знаете, такие вещи мне два раза повторять не надо, в конце концов, так значит так.

– Молчать! – закричал Бульон (это наш надзиратель, и с ним шутки плохи).

Мы пришли на урок географии. Альцест, который сидит рядом со мной, сказал, что подержит мою куртку на переменке, пока я буду драться с Жоффруа, и посоветовал бить в подбородок, как делают боксеры по телевизору.

– Нет, – сказал Эдес, который сидит за нами, – нет, бить надо в нос. Ты стукнешь как следует – раз! – и победил!

– Глупости говоришь, – сказал Руфус, который сидит с Эдесом. – С Жоффруа самое лучшее – это пощечина.

– Часто ты видел, чтобы боксеры по телевизору давали друг другу пощечины, дурак? – спросил Мексан, который сидит неподалеку, и послал записку Иоахиму, который хотел знать, что происходит, но со своего места не мог расслышать.

И – такая досада! – записка попала в руки Аньяна, а Аньян – любимчик учительницы, и он поднял руку и говорит:

– Мадемуазель, я получил записку!

Учительница вытаращила глаза и велела Аньяну отдать ей записку, и Аньян, ужасно гордый,

пошел отдавать. Учительница прочитала записку и сказала:

— Я здесь прочла, что двое из вас собираются драться во время перемены. Я не знаю, о ком идет речь, и не хочу знать. Но предупреждаю вас всех: я расспрошу вашего надзирателя месье Дюбона после перемены, и виновные будут строго наказаны. Альцест, к доске!

Альцесту надо было рассказывать про реки, и это у него получилось не очень хорошо, потому что он знал только две: Сену, у которой полно всяких извилин, и Нил, где провел каникулы прошлым летом. Все ребята с нетерпением ждали, когда же начнется перемена, и разговаривали между собой. Учительнице даже пришлось постучать линейкой по столу. И Клотер, который спал, решил, что его наказывают, и пошел в угол.

Что до меня, я был очень расстроен, потому что если учительница меня накажет, оставит после уроков, то вечером дома будет куча неприятностей, и о шоколадном креме нечего и мечтать. И потом, кто знает? Может, учительница выгонит меня из школы, а это будет вообще ужасно: мама здорово огорчится, папа скажет, что когда он был в моем возрасте, то служил примером для всех своих товарищей, что не стоит лезть вон из кожи, чтобы дать мне хорошее образование, если я так

себя веду, что я плохо кончу и что я теперь не скоро пойду в кино. У меня стал комок в горле, и тут прозвенел колокольчик на перемену, и я посмотрел на Жоффруа и увидел, что он тоже как-то не очень торопится выйти во двор.

Внизу нас ждали все ребята, и Мексан сказал: – Пойдем в глубину двора, там будет спокойнее.

Мы с Жоффруа пошли за остальными, а потом Клотер сказал Аньяну:

– А ты с нами не ходи! Ты ябеда!

– Но я хочу посмотреть, – сказал Аньян и еще добавил, что если ему не дадут посмотреть, он сейчас же пойдет и предупредит Бульона, и никто не сможет драться, и так нам и надо.

– Ладно, пускай смотрит, – сказал Руфус, – все равно Жоффруа и Николя накажут, поэтому неважно, наябедничает Аньян учительнице сразу или потом.

– Накажут, накажут, – сказал Жоффруа, – всегда наказывают за драку. В последний раз тебя спрашиваю, Николя, ты отказываешься от своих слов?

– Ни от чего он не отказывается, шутки в сторону! – закричал Альцест.

– Ну да, – подтвердил Мексан.

– Пошли, – сказал Эдес. – Я буду судьей.

– Ты судьей? – удивился Руфус. – Ну, насме-

шил! Почему это ты будешь судьей, а не кто-то другой?

– Давайте скорее, – поторопил Иоахим. – Не стоит ругаться из-за этого, перемена скоро кончится.

– Простите, – говорит Жоффруа, – судья – это очень важно, и лично я не буду драться, если не будет хорошего судьи.

– И я тоже, – сказал я. – Жоффруа прав.

– Отлично, отлично, – согласился Руфус. – Судьей буду я.

Но его заявление не понравилось Эдесу, который сказал, что Руфус ничего не смыслит в боксе и считает, будто боксеры должны обмениваться пощечинами.

– Мои пощечины стоят твоих ударов в нос! – возмутился Руфус и – бамм! – влепил пощечину Эдесу.

Тот ужасно разозлился, я еще никогда его таким не видел, и начал драться с Руфусом, и хотел дать ему в нос, но Руфус не стал этого дожидаться, и это еще больше разозлило Эдеса, и он закричал, что Руфус – плохой товарищ.

– Перестаньте! Перестаньте! – закричал тогда Альцест. – Перемена скоро кончится!

– А ты, жиртрест, помолчи, мы тебя уже наслушались! – сказал Мексан.

Тогда Альцест попросил меня поддержать его круассан и стал драться с Мексаном. И это здорово меня удивило: ведь Альцест вообще-то не любит драться, особенно, когда ест круассаны. Но дело в том, что мама теперь заставляет его принимать лекарство для похудения, и с тех пор, как она это делает, Альцест просто не выносит, когда его называют «жиртрестом».

Поскольку я был занят наблюдением за Альцестом и Мексаном, я не знаю, почему Иоахим стукнул ногой Клотера, но думаю, это потому, что Клотер вчера выиграл у Иоахима кучу шариков.

Во всяком случае, ребята ужасно дрались, и это было очень здорово. Я стал доедать круассан Альцеста, а кончик его отдал Жоффруа.

А потом прибежал Бульон и всех разнял, говоря, что это стыдно и что мы у него дождемся, и пошел звонить в колокольчик.

— Ну вот, — сказал Альцест, — что я говорил! Из-за всего этого у Жоффруа и Николя не хватило времени подраться.

Когда Бульон рассказал учительнице все, что произошло, она рассердилась и оставила весь класс после уроков, кроме Аньяна, Жоффруа и меня, сказав, что мы — примерные мальчики, а остальные — маленькие дикари.

– Тебе повезло, что звонят, – сказал Жоффруа, – потому что мне очень хотелось врезать тебе как следует.

– Не смеши меня, врунишка! – ответил я ему.

– Ну-ка, повтори! – сказал он.

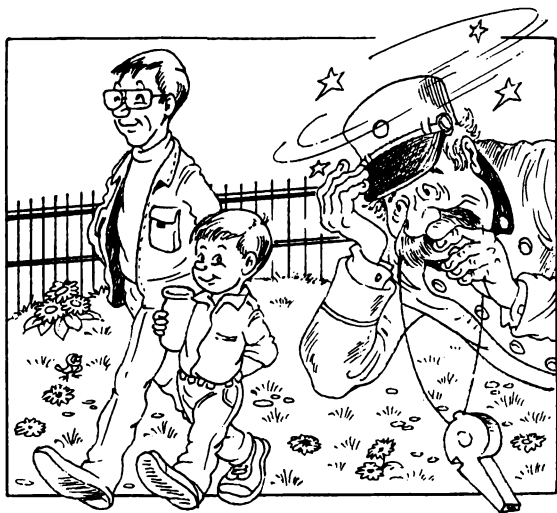
– Врунишка, – повторил я.

– Ладно, – сказал Жоффруа, – на следующей переменке деремся.

– Согласен, – ответил я.

Потому что, вы знаете, такие вещи мне два раза повторять не надо, в конце концов, так значит так!

КИНГ

Мы с Альцестом, Эдесом, Руфусом, Клотером и другими ребятами решили отправиться на рыбалку.

Есть такой сквер, где мы часто играем, а в этом сквере – отличный пруд, а в пруду водятся головастики. Головастики – это такие маленькие зверюшки, которые, когда вырастут,

становятся лягушками. Так нам объяснили в школе.

Клотер этого не знал, потому что он редко слушает, что говорят в классе, но мы ему рассказали.

Дома я взял пустую банку из-под варенья и пошел в сквер, стараясь, чтобы сторож меня не заметил. У сторожа в сквере здоровенные усищи, палка и свисток – такой же, как у папы Руфуса, который служит в полиции. Он – не папа Руфуса, а сторож – нас часто ругает, потому что в сквере многое запрещено: нельзя ходить по траве, лазить на деревья, рвать цветы, кататься на велосипеде, играть в футбол, бросать бумажки на землю и драться. Но там все равно очень весело!

Когда я пришел, Эдес, Руфус и Клотер были уже со своими банками на берегу пруда. Альцест явился последним, он объяснил нам, что не нашел пустой банки и пришлось освободить полную, лицо у него было все в варенье, и он был очень довольный. Сторожа нигде не было видно, и мы сразу же приступили к ловле.

Как трудно ловить головастиков! Нужно лечь на живот на самом краю пруда, сунуть банку под воду и попробовать поймать там головастиков, которые быстро двигаются и совершенно

не желают заплывать в банку. Первым словил головастика Клотер, и он жутко загордился, потому что обычно ему ни в чем не удастся стать первым. А потом уже у каждого из нас появилось по головастику. То есть Альцесту самому поймать его не удалось, но Руфус – опытный рыболов – поймал в свою банку двух и маленького отдал Альцесту.

– И что теперь делать с нашими головастиками? – спросил Клотер.

– Ну, – ответил Руфус, – надо отнести их домой, подождать, пока вырастут и станут лягушками, а потом можно будет устроить скачки. Это ужасно забавно!

– И еще, – добавил Эдес, – иметь лягушку в доме очень полезно: она поднимается по лесенке и можно благодаря ей определять, какая погода будет в день скачек.

– И еще, – закончил Альцест, – бедрышки лягушек с чесноком – это очень вкусно!

Альцест посмотрел на своего головастика и облизнулся.

А потом мы все убежали, потому что увидели, как приближается сторож.

Идя по улице, я смотрел на своего головастика и думал, какой он хорошенький: он все

время метался туда-сюда в банке, и я решил, что он станет классной лягушкой – победительницей всех скачек. Я решил назвать головастика Кингом – так звали белого коня, которого я видел в прошлый четверг в ковбойском фильме. Этот конь бежал очень быстро и приходил на свист своего ковбоя. Я тоже научу Кинга бегать кругами, а когда он превратится в лягушку, то станет приходить, как только я свистну.

Едва я вошел в дом, мама посмотрела на меня и закричала:

– Нет, вы только посмотрите, в каком виде он явился! Ты же весь грязный и мокрый, как мышь! Что еще ты наделал?

Конечно, я был не очень чистый, тем более, что позабыл засучить рукава рубашки, когда опускал банку в воду.

– А что это за банка? – спросила мама. – И кто это в банке?

– Это Кинг, – объяснил я, показывая маме своего головастика. – Он станет лягушкой, он будет прибегать, когда я свистну, предсказывать нам погоду и выигрывать скачки!

Мама сморщила нос и сделала ужасную гримасу.

– Какой кошмар! – закричала она. – Сколько

раз я тебе говорила, чтобы ты не таскал в дом всякую грязь!

– Это не грязь, – сказал я. – Он совершенно чистый, он все время в воде, и я научу его бегать кругами.

– Отлично, вот и твой отец, – обрадовалась мама. – Посмотрим, что он скажет.

Когда папа увидел банку, он сказал: «Смотрика, головастик!» – и отправился в кресло читать свою газету. Мама страшно разозлилась.

– И это все, что ты можешь сказать?! – обрушилась она на папу. – Я не хочу, чтобы этот ребенок таскал в дом всяких грязных тварей!

– Ба! – отозвался папа. – Головастик не такое животное, которое может кого-то стеснить.

– Ну, отлично, отлично, – сказала мама. – Раз со мной не считаются, буду молчать. Но предупреждаю вас: либо я, либо головастик!

И мама ушла на кухню.

Папа тяжело вздохнул и сложил газету.

– Я думаю, у нас нет выбора, Николя, – сказал он. – Нужно избавиться от этой зверюшки.

Я сразу же заплакал и сказал, что не желаю, чтобы Кингу причиняли зло, и что мы с ним уже подружились. Папа посадил меня к себе на колени.

— Послушай, мальчуган, — сказал он, — ты ведь знаешь, у этого малыша-головастика есть мама-лягушка. И мама-лягушка, наверное, сейчас очень горюет, потеряв свое дитя. Ведь твоя мама была бы недовольна, если бы тебя унесли в банке. У лягушек точно так же. Знаешь, что мы сделаем? Мы сейчас вдвоем отправимся на то место, где ты поймал головастика, выпустим его там, а потом, по воскресеньям, ты сможешь его навещать. А по дороге домой я куплю тебе шоколадку.

Я немного подумал и сказал, что ладно, пускай так, я согласен.

Тогда папа пошел на кухню и, смеясь, сказал маме, что мы решили оставить ее и выпустить головастика.

Мама тоже развеселилась, поцеловала меня и сказала, что к вечеру испечет пирог. Я сразу же утешился.

Когда мы пришли в сквер, я проводил папу, который нес банку, к берегу пруда.

— Вот здесь! — показал я.

Потом я попрощался с Кингом, и папа вылил в пруд воду из банки вместе с головастиком.

Сделав это, мы собрались уходить, но увидели сторожа, который выходил из-за дерева с выпученными глазами.

– Не знаю, то ли все с ума посходили, то ли я сам схожу с ума, – сообщил он. – Вы – уже седьмой человек, включая полицейского, который сегодня выливает воду из банки в пруд на этом самом месте!

ФОТОАППАРАТ

Как раз в тот момент, когда я собирался уходить в школу, почтальон принес мне посылку. Это был подарок от бабули: фотоаппарат. Моя бабуля – лучшая в мире!

– Странные идеи у твоей матери, – сказал папа маме, – такие подарки не делают детям.

Мама обиделась и сказала, что папе не нра-

вится все, что делает ее мать (моя бабуля), что совсем не умно так высказываться в присутствии ребенка и что это – чудесный подарок. Я сразу же попросил разрешения взять аппарат с собой в школу, и мама сказала «да, только смотри, чтобы его у тебя не отобрали». Папа пожал плечами, потом почитал вместе со мной инструкцию и показал, что делать с аппаратом. Это оказалось очень легко.

В классе я показал мой фотоаппарат Альцесту, который сидит рядом со мной, и сказал ему, что на переменке сделаю пару снимков. Альцест повернулся и рассказал об этом Эдесу и Руфусу, которые сидят за нами. Они предупредили Жоффруа, а тот послал записку Мексану, который передал ее Иоахиму, а он разбудил Клотера, а учительница сказала:

– Ну-ка, Николя, повторите то, что я только что говорила!

Тогда я встал и заплакал, потому что не слышал, о чем говорила учительница. Пока она говорила, я смотрел на Альцеста в окошечко аппарата.

– Что вы там прячете под партой? – спросила учительница.

Когда учительница говорит нам «вы», значит, она нами недовольна. Ну, и я все плакал и плакал, а она подошла, увидела фотоаппарат, забра-

ла его у меня и сказала, что поставит мне ноль за поведение.

– И то хлеб! – сказал Альцест, и учительница ему тоже поставила ноль и велела прекратить жевать в классе, потому что Альцест и правда все время жует.

– Я могу повторить все, что вы сказали, мадемуазель! – выскочил Аньян, который у нас в классе первый ученик и любимчик учительницы. И занятия продолжались.

Когда прозвонили на перемену, учительница велела мне задержаться и сказала:

– Знаешь, Николая, я не хочу тебя огорчать, я понимаю: ты получил прекрасный подарок. Ну, и если ты пообещаешь мне быть умником, не играть больше на уроках и хорошо работать, я зачеркну твой ноль и отдам тебе фотоаппарат.

Я тут же пообещал, а она отдала мне аппарат и сказала, что я могу идти во двор к товарищам. Знаете, что я думаю о нашей учительнице? Очень просто, – она классная, классная и классная!

Когда я спустился во двор, ребята окружили меня.

– Никто уж и не надеялся тебя увидеть! – сказал Альцест, доедая булку с маслом.

– Да она же отдала тебе твой фотоаппарат! – воскликнул Иоахим.

– Ага, – ответил я, – и сейчас мы будем сниматься, становитесь все вместе.

И все ребята собрались в кучу передо мной, даже Аньян пришел.

Была одна трудность: в инструкции написано, что надо отойти на четыре шага, а у меня ноги пока короткие и шаги получаются маленькие. Ну, и поэтому шаги за меня отсчитал Мексан: у него-то очень длинные ноги с толстыми грязными коленками. А потом он вернулся к остальным.

Я посмотрел в окошечко, чтобы убедиться: все поместились. Но я не смог увидеть голову Эдеса, потому что он очень высокий, а половина Аньяна ушла вправо. Еще было жалко, что бутерброд закрывал лицо Альцеста, но он не хотел перестать есть. Все улыбнулись и – блямс! – я щелкнул. Снимок будет шикарный!

– Хороший у тебя аппарат, – похвалил Эдес.

– Подумаешь! – сказал Жоффруа. – Мне папа купил куда лучше – со вспышкой!

Все развеселились, – ну, правда же, что он такое говорит, этот Жоффруа!

– Что такое «вспышка»? – спросил я.

– Да это такая лампочка, она делает «пшшш!» – как фейерверк, и можно фотографировать ночью, – объяснил Жоффруа.

– Врун ты, вот ты кто! – сказал я.

– Сейчас получишь по морде! – сказал Жоффруа.

– Если хочешь, Николя, – сказал Альцест, – я могу поддержать твой фотоаппарат.

Ну, и я отдал ему аппарат, но велел быть осторожнее: я опасался, потому что пальцы у него были в масле, и аппарат мог выскользнуть.

Мы стали драться, а Бульон (наш надзиратель, но это не настоящее его имя) прибежал и стал нас разнимать.

– В чем дело? – спросил он.

– Дело в Николя, – разъяснил ему Альцест. – Ему пришлось подраться с Жоффруа, потому что у его аппарата нет фейерверка для ночи.

– Не говорите с полным ртом! – приказал Бульон. – И какой такой аппарат?

Тогда Альцест отдал ему мой фотоаппарат, а Бульон сказал, что ему очень хочется его конфисковать.

– О нет, месье, нет! – закричал я.

– Хорошо, – сказал Бульон. – Оставляю его вам, но посмотрите мне в глаза: нужно вести себя как следует и больше не драться, понятно?

Я сказал, что понятно, а потом спросил, можно ли мне его сфотографировать.

Бульон, кажется, очень удивился.

– Вы хотите иметь мою фотографию? – спросил он.

– О да, да, месье! – ответил я.

Тогда Бульон улыбнулся, а когда он это сделал, то стал очень даже симпатичным.

– Хе-хе! – захихикал он. – Хе-хе! Хорошо, но давайте побыстрее, потому что уже пора звонить на урок.

А потом Бульон встал посреди двора, положил одну руку в карман, другую на живот, выдвинул одну ногу вперед и посмотрел вдаль. Мексан отсчитал мне четыре шага, я поглядел на Бульона в окошечко (он был ужасно смешной!), сделал блямс, то есть щелкнул, и он пошел звонить в свой колокольчик.

Вечером дома, когда папа вернулся с работы, я сказал, что хочу сфотографировать его вместе с мамой.

– Послушай, Николя, – сказал папа. – Я устал. Положи аппарат и дай мне спокойно дочитать газету.

– Не слишком-то ты любезен, – вмешалась мама. – Зачем противиться малышу? Эти фотографии станут для него самыми лучшими сувенирами.

Папа тяжело вздохнул, сел рядом с мамой, и я отснял последние шесть кадров на пленке. Мама

меня поцеловала и сказала, что я ее личный маленький фотограф.

Назавтра папа взял с собой пленку, чтобы проявить ее, так он сказал. Потом потребовалось еще несколько дней ожидания, пока отпечатают снимки, я просто сгорал от нетерпения. И вот наконец вчера вечером папа пришел с работы с фотографиями.

— Неплохие снимки, — сказал он. — Вот эти — в школе, где твои друзья и этот усач... Те, что ты сделал дома, получились немного темноватыми, но зато они самые смешные...

Пришла мама, и папа показал ей снимки со словами:

— Гляди-ка, а ведь он тебя не побаловал, твой сынок!

Папа засмеялся, а мама взяла фотографии и сказала, что пора садиться за стол.

Чего я никак не пойму: почему мама передумала. Теперь она говорит, что папа был прав и что фотоаппарат — не игрушка для маленьких мальчиков.

И засунула мой аппарат на верхнюю полку шкафа.

РЕКС

Когда я вышел из школы, то нашел щенка. Он прогуливался по улице. Я подумал: «Он совсем один, этот щеночек! Ему будет приятно найти друга!» И отдал ему половину своей шоколадной булочки. Когда щенок доел булочку, он пошел за мной. Я назвал его Рексом, как в фильме, который я видел в прошлый четверг.

Ах, какой это будет сюрприз для мамы и папы, когда они увидят Рекса! Рекс будет сторожить дом и поможет мне ловить бандитов, как в фильме, который я видел в прошлый четверг. Да-да, это будет классный сюрприз для моих родителей!

Но знаете, когда я пришел домой, мама почему-то была не очень довольна. Нет, она была совсем не довольна! Увидев Рекса, она спросила:

— Где ты взял это животное?

Я стал объяснять, что это — бедный пес, у которого нет хозяина, что он поможет мне ловить бандитов, но Рекс в это время вскочил на диван и улегся на подушки.

Мама закричала очень громко:

— Я не желаю собак в доме! Даю тебе минуту на то, чтобы убраться отсюда!

Ну, что поделаешь, я взял Рекса на руки, хотя он и не хотел уходить с дивана. Он закусил край подушки (не понимаю, что за удовольствие — есть подушку!) Мы вышли в сад. Мне было очень грустно. Я заплакал.

Когда папа пришел с работы, он увидел нас с Рексом: мы грустно сидели у дверей.

— Ну и ну, — сказал папа. — Что здесь такое происходит?

Я объяснил папе, что мама не хочет, чтобы Рекс жил в доме, и что Рекс — мой друг, и что я

друг Рекса, и что мы будем вместе ловить бандитов. Рекс слушал и чесал себе за ухом задней лапой. Папа сказал, что мама права, что собака, может быть, больная. А я ответил, что Рекс ничем не болен, у него хороший аппетит и он очень умный. Папа посмотрел на Рекса, почесал у него за ухом, а Рекс лизнул ему руку. Папе это очень понравилось.

— Да, хороший щенок, — сказал папа. — Дай лапку! Ну-ка, дай лапку!

И Рекс дал ему лапу, потом опять лизнул папе руку и стал снова чесать за ухом. Папа сказал:

— Ладно, давай попробую поговорить с мамой. — И вошел в дом. Ах, как я люблю папу!

Пока папа говорил с мамой, я играл с Рексом в саду. Но когда папа вышел из дома, он был какой-то не очень радостный. Он сказал, что мама не хочет иметь собаку в доме, потому что она прыгает на диван. Но мне пришла в голову идея:

— Скажи, папа, если Рекса не хотят в доме, может быть, ему можно жить в саду?

Папа сказал, что это хорошая мысль, потому что в саду нет диванов.

— Можно построить ему конуру, — добавил папа.

Я принес доски для конуры, а папа принес инструменты.

– Увидишь, мы сделаем отличную конуру, настоящий дворец!

Я сказал:

– Он будет охранять дом!

А папа ответил:

– Да, мы станем его дрессировать.

И мы взялись за работу. Но вдруг из дома вышла мама. Она увидела доски у порога и спрашивает:

– Что это вы тут такое строите?

Папа ничего не сказал, только посмотрел на маму. Мама была очень недовольна. Она заявила, что все равно не хочет собаку:

– Вы только посмотрите! Это животное ест цветы!

Рекс, услышав ее слова, поднял голову, потом подошел к маме и встал на задние лапы.

Мама поглядела на него и стала гладить по голове, а Рекс лизнул ей руку.

В этот момент позвонили в калитку.

Папа пошел открывать, там оказался незнакомый господин. Он вошел в сад, посмотрел на Рекса и воскликнул:

– Кики! Вот ты где! А я тебя ищу уже целый час!

– В чем дело, месье, что вам угодно? – спросил папа.

– Что мне угодно? – переспросил господин. – Мне угодно забрать мою собаку. Кики убежал из дома, и мне сказали, что мальчик унес его сюда.

Но я сказал незнакомцу:

– Это не Кики, это Рекс. Он будет охранять наш дом. Я стану дрессировать его, и мы вместе будем ловить бандитов. Как в фильме, который шел в прошлый четверг.

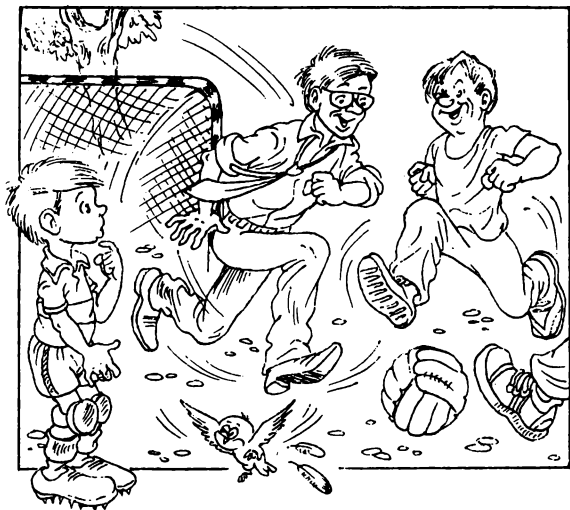
А Рекс ужасно обрадовался и стал напрыгивать на господина.

– Идем, мой бедный Кики! – сказал господин, и они с Рексом ушли.

Мама загрустила... И тогда папа сказал:

– Не надо печалиться! Я уверен: Николя найдет нам другую собаку в ближайшие же дни!

ФУТБОЛ

Мы с ребятами были на пустыре. Кроме меня, там были Эдес, Жоффруа, Альцест, Аньян, Руфус, Клотер, Мексан и Иоахим. Не помню, рассказывал ли я вам уже о моих друзьях, но уж о пустыре-то точно рассказывал. Шикарный пустырь: полно консервных банок, камней, ко-

шек, деревяшек и даже есть автомобиль. У автомобиля, правда, нет колес, но мы с ним отлично играем: можно делать «фрррр! фрррр!», будто он едет, можно считать его автобусом или самолетом, и это очень здорово!

Но на этот раз мы пришли не из-за автомобиля. Мы пришли поиграть в футбол. У Альцеста оказался мяч, и он дал его нам при условии, что будет вратарем, потому что не любит бегать.

Жоффруа, у которого ужасно богатый папа, оделся, как настоящий футболист: у него была красно-сине-белая футболка, толстые носки, щитки на ногах и здоровенные ботинки с шипами снизу. В общем-то, щитки, скорее, нужны были остальным, потому что Жоффруа, как говорят по радио, жесткий игрок. Особенно из-за своих башмаков.

Мы стали обсуждать, какая будет команда. Альцест – вратарь, а защитниками станут Эдес и Аньян. Эдес – хороший защитник, он не пропустит мяч, потому что он очень сильный и его боятся, он здорово жесткий игрок – как Жоффруа. А Аньяна поставили на это место, чтобы он никому не мешал, а еще потому, что никто не решается его толкнуть или стукнуть: у него очки и он сразу начинает реветь. Полузащитником ре-

шили назначить Руфуса. Клотер и Иоахим тоже будут полузащитниками. Им надо будет передавать мяч нам, нападающим. Нападающих будет только трое, потому что с нами больше нет никого из ребят, но мы страшны: Мексан со своими большими ногами с толстыми грязными коленками, он бежит ужасно быстро, Жоффруа в своих шиповках и я, ведь у меня самый сильный удар — бац!

Мы были очень довольны, что собрали такую прекрасную команду.

— Давай, пошли! — закричал Мексан.

— Пас! Пас! — надрывался Иоахим.

Мы здорово веселились, но Жоффруа вдруг вспомнил:

— Эй, парни! А против кого мы играем? Нам нужна команда противников.

Действительно, он был прав, Жоффруа: совершенно ни к чему передавать мяч и бить по нему, если некуда его послать, это совсем не смешно.

Я предложил разделиться на две команды, но Клотер сказал:

— Делить команду? Никогда!

А кроме того, как в ковбойских играх, никто не хотел быть противником.

Мы немножко поиграли просто так, сами, а

потом пришли эти, из другой школы. Вообще-то мы их не любим, этих, из другой школы, они все дураки. Они часто приходят на пустырь, и тогда мы с ними деремся, потому что мы говорим: пустырь наш, а они говорят, что их, ну, из-за этого-то все и получается. Но сегодня мы были, скорее, рады их видеть.

– А-а, парни! – сказал я. – Хотите сыграть с нами в футбол? У нас есть мяч.

– Играть с вами? Ой, не смешите меня! – ответил худой с красными волосами, вроде как у тети Клариссы, но они у нее стали красными только в прошлом месяце, и мама объяснила мне, что это парикмахер их покрасил.

– Что значит «не смешите», дурачина? – спросил Руфус у этого, с красными волосами.

– А то, что убирайтесь отсюда, пустырь наш! – сказал ему такой длинный зубастый.

Аньян хотел уйти, но мы, остальные, не согласились.

– Нет, месье, – сказал Клотер. – Пустырь-то как раз наш, а вы просто боитесь играть с нами в футбол, потому что у нас потрясающая команда!

– Потрясающая – воздух сотрясающая! – сострил зубастый, и они все стали смеяться, и я тоже, потому что это было смешно, а потом Эдес

дал кулаком в нос такому низенькому, который не говорил ничего. Но поскольку низенький оказался братом длинного, тут все и началось.

– Ну-ка, давай, давай, а я посмотрю! – потребовал длинный зубастый, обращаясь к Эдесу.

– Может, ты немножко ненормальный? – спросил низенький, держась за нос.

А Жоффруа лягнул худого с волосами тети Клариссы.

Все стали драться, кроме Аньяна, который плакал и кричал:

– Мои очки! У меня же очки!

Было очень здорово, но тут пришел мой папа.

– Из дома слышно, как вы кричите, банда маленьких дикарей! – закричал папа. – А ты, Николя, знаешь, который час?

А потом он схватил за воротник толстого дурака, с которым мы обменивались оплеухами.

– Отпустите меня! – закричал толстый дурак. – А то я позову моего папу, он налоговый инспектор, и велю ему взять с вас ужасные налоги!

Папа отпустил толстого дурака и сказал:

– Ладно, этого достаточно. Уже поздно, ваши родители, наверное, беспокоятся. А самое главное: почему вы деретесь? Разве вы не можете нормально играть?

– Мы деремся, – ответил я, – потому что они боятся играть с нами в футбол.

– Мы боимся? Мы боимся? Мы боимся? – завизжал длинный зубастый.

– Хорошо, не бойтесь, – согласился папа. – Но почему же тогда вы не играете в футбол?

– Потому что они слабаки, – ответил толстый дурак.

– Слабаки?! С такой линией нападения – Мексан, Жоффруа и я? – обиделся я. – Ой, не смей меня!

– Жоффруа? – переспросил папа. – Я скорее представляю его себе в качестве защитника, не уверен, что он такой быстрый.

– Минутку, – сказал Жоффруа. – У меня шиповки и я лучше всех одет, поэтому...

– А кто вратарь? – спросил папа.

Тут мы ему объяснили, как распределены роли в команде, и папа сказал, что неплохо, но что нужно тренироваться и он нас научит, потому что сам чуть не попал в международную сборную (он играл правого полусреднего клуба «Шантеклер»). И он попал бы в эту сборную, если бы не был женат. А я такого и не знал, до чего же он классный, мой папа!

– Ну, – сказал папа этим, из другой школы, –

вы согласны играть с моей командой в следующее воскресенье? Я буду арбитром.

— Да нет же, они не согласны, они сдрейфили! — закричал Мексан.

— Нет, месье, мы не сдрейфили, — ответил тот, с красными волосами, — и на воскресенье мы согласны. В три часа. Мы вам покажем!

И они ушли.

Папа остался с нами и стал нас тренировать. Он взял мяч и забил гол Альцесту. Потом он встал на место Альцеста в ворота, и Альцест забил ему гол. Тогда папа стал показывать нам, как правильно пасовать. Он ударил по мячу и сказал: «Тебе, Клотер! Пас!», а мяч попал в Аньяна, который потерял свои очки и стал реветь.

А потом пришла мама.

— Что ты тут делаешь? — спросила она папу. — Я послала тебя за малышом, ты не вернулся, и мой ужин остыл.

Ну и папа ужасно покраснел, взял меня за руку и сказал:

— Пошли домой, Николя!

А все ребята закричали:

— До воскресенья! Да здравствует папа Николя!

За столом мама все время смеялась и вместо того, чтобы попросить дать ей соль, говорила:

– Ну-ка, пас, Пеле!

Мамы, они ничего не понимают в спорте, но это ничего: в следующее воскресенье все узнают, на что мы способны!

Первый тайм

1. Вчера во второй половине дня на пустыре состоялся футбольный матч между командами другой школы и той, которую тренирует папа Николя. Вот состав этой команды: вратарь – Альцест, защитники – Эдес и Клотер, полузащитники – Иоахим, Руфус и Аньян, правый полу-средний – Николя, центральный нападающий – Жоффруа, левый крайний – Мексан. Арбитром был папа Николя.

2. Как вы только что прочли, не было ни левого полусреднего, ни правого крайнего. Отсутствие этих игроков вынудило папу Николя избрать тактику, опробованную на последней тренировке и заключающуюся в контратаках. Николя, чей бурный темперамент напоминает темперамент Марадоны, и Мексан, ловкость и тактическое чутье которого напоминают Гарринчу, должны были работать на Жоффруа, который никого не

напоминает, но поскольку владеет полным обмундированием, назначен центральным нападающим.

3. Матч начался около 15.40. На первой же минуте после беспорядка перед воротами левый крайний ударил с такой силой, что Альцесту пришлось совершить отчаянный прыжок, чтобы уклониться от мяча, который летел прямо на него. Но гол не был засчитан: арбитр напомнил, что капитаны забыли пожать друг другу руки.

4. На пятой минуте, пока игра шла в центре поля, собака сожрала завтрак Альцеста, несмотря на то, что он был завернут в три листа бумаги и перевязан тремя веревочками (не Альцест, а завтрак, конечно!). Это нанесло жестокий удар по моральному состоянию вратаря (а каждый знает, как важно моральное состояние для вратаря), и в результате он пропустил первый гол на седьмой минуте.

5. И второй на восьмой минуте... На девятой минуте капитан Эдес посоветовал Альцесту играть левым крайним, а Мексан заменит его в воротах. (На наш взгляд, это было ошибочное решение, Альцест, скорее, рьяный защитник, чем темпераментный нападающий.)

6. На четырнадцатой минуте на землю об-

рушился такой ливень, что большая часть игроков поспешила укрыться от потопа. Николя остался на поле против одного из игроков противника. В этот период не случилось ничего примечательного.

7. На двадцатой минуте Жоффруа, находясь на позиции правого полузащитника или левого полусреднего (неважно!), отразил мяч ужасным ударом.

8. На той же двадцатой минуте месье Шапо пошел навестить свою бабушку, заболевшую гриппом.

9. От полученного удара он потерял равновесие и проник в связи с этим на территорию месье Шадефо, с которым состоял в ссоре уже двадцать лет.

10. Он снова появился на пустыре, выйдя на него, возможно, ему одному известной дорогой, и забрал мяч как раз в момент, когда происходило вбрасывание.

11. После пяти минут растерянности (то есть на двадцать пятой минуте) матч возобновился с консервной банкой вместо мяча. На двадцать шестой, двадцать седьмой, двадцать восьмой минутах Альцест, благодаря своему умению вести мяч, забил три гола (было практически невозможно

отнять у Альцеста банку от мелкого сахарного горошка, даже пустую!). Команда Николя повела 3:2.

12. На тридцатой минуте месье Шапо вернул мяч (его бабушка почувствовала себя лучше, и он пришел в прекрасное настроение). Поскольку консервная банка стала бесполезной, ее выбросили.

13. На тридцать первой минуте Николя обошел защиту противника, вышел на Руфуса, находившегося на позиции левого полусреднего (но поскольку не было правого полусреднего, он играл ближе к центру поля), Руфус отдал пас Клотеру, который ударом левой ноги послал мяч не в ту сторону и угодил прямо в живот арбитра. Последний глухим голосом объяснил двум капитанам, что погода портится, может опять пойти дождь и стало свежо, поэтому лучше играть второй тайм на следующей неделе.

Второй тайм

1. В течение всей недели папа Николя перезванивался с другими папами, и результатом этих переговоров стали серьезные изменения в команде: Эдес перешел в левые полусредние, а Жоффруа в защиту. Итогом встречи пап стало обсуждение

множества тактических приемов. Главные из них: забить гол в первые же минуты, уйти в защиту, потом, используя контратаку, забить второй гол. Если дети будут буквально следовать этой тактике, они достигнут счета 5:2, поскольку уже ведут со счетом 3:2. Отцы (Николя, его друзей и их противников) в полном составе собрались к матчу, который начался в накаленной обстановке ровно в 16 часов 02 минуты.

2. На пустыре было слышно только отцов. Это нервировало игроков. В течение первых минут ничего не произошло, если не считать удара Руфуса по спине отца Мексана и оплеухи, которую Клотер получил от своего отца за то, что пропустил пас. Иоахим, который в этот момент был капитаном (было решено, что все игроки становятся капитанами по очереди: через пять минут), попросил арбитра очистить поле. Клотер добавил, что полученная им оплеуха его контузила и теперь он не может больше драться как лев. Отец Клотера сказал, что займет его место. Те, из другой школы, выразили протест и заявили, что в таком случае их отцы тоже будут играть вместе с ними.

3. Отцов охватила радостная дрожь, они мигом скинули плащи, пиджаки, кашне и шляпы.

Они кинулись на поле, прося своих детей посторониться и не слишком приближаться: сейчас они им покажут, как гонять мяч.

4. С первых же минут матча, в котором отцы друзей Николя выступали против отцов тех, из другой школы, сыновья сразу поняли, как надо играть в футбол, и...

5. ...договорились все вместе идти к Клотеру смотреть по телевизору воскресную спортивную передачу.

6. Матч продолжался, с той и с другой стороны делались отчаянные попытки как следует ударить ногой по мячу, чтобы доказать: в ворота попасть было бы можно, если бы не так мешал встречный ветер.

На шестнадцатой минуте отец из другой школы сильно послал мяч в сторону отца, которого он считал отцом из своей школы, но на самом деле это был отец Жоффруа. Тот ударил по мячу еще сильнее. Мяч приземлился посреди груды ящиков, консервных банок и всяких железок. Раздался свист, похожий на свист воздуха, выходящего из лопнувшего мяча, продолжающего еще подпрыгивать, благодаря пружине, проткнувшей его насквозь. После трех секунд дискуссии было решено продолжить матч, играя —

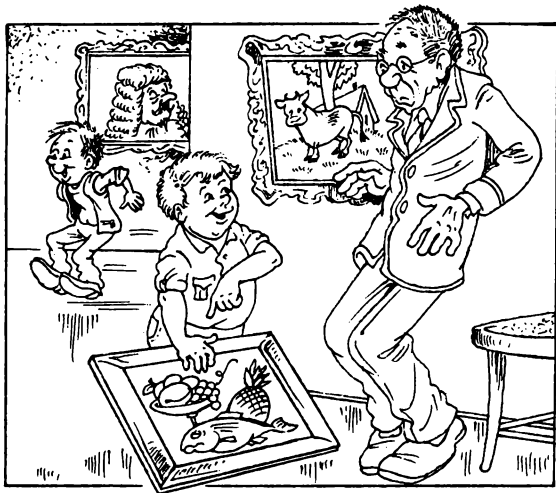
почему бы и нет? — вместо мяча консервной банкой.

7. На тридцать шестой минуте отец Руфуса, игравший в защите, остановил консервную банку, которая, вертясь, летела к его верхней губе. Поскольку он остановил банку рукой, судья (брат одного из отцов из другой школы, отец Николя теперь стоял за полусреднего) дал свисток: пенальти. Несмотря на протесты отдельных игроков (отца Николя и всех отцов его друзей), пенальти был пробит, и отец Клотера, который стоял в воротах, не смог остановить банку, хотя и старался. Таким образом отцы из другой школы сравняли счет, и он стал 3:3.

8. Оставалось играть несколько минут. Отцы беспокоились насчет того, как воспримут их сыновья проигрыш. Игра, которая до сих пор была плохой, теперь стала отвратительной. Отцы из другой школы перешли в глухую защиту. Некоторые ставили на банку ногу и мешали ударить по ней. Вдруг отец Руфуса, который в обычной жизни служил в полиции, ускользнул от соперников, обогнал двух отцов-противников, оказался один на один с вратарем, резко ударил и загнал банку в ворота. Отцы Николя и его друзей выиграли матч со счетом 4:3.

9. Мы сделали фотографию – на ней выигравшая команда, снятая сразу после матча. Стоят, слева направо: отцы Мексана, Руфуса (герой матча), Эдеса (раненный в левый глаз), Жоффруа, Альцеста. Сидят: отцы Иоахима, Клотера, Николя (раненный в левый глаз при столкновении с отцом Эдеса) и Аньяна.

МУЗЕЙ ЖИВОПИСИ

Сегодня я очень обрадовался: учительница сказала, что поведет весь класс в музей живописи смотреть картины. Так здорово пойти всем вместе! Жаль, что учительница, вообще-то хорошая, не делает этого чаще!

Из школы в музей мы должны были ехать на автобусе. А поскольку автобус не мог остано-

виться прямо у школы, нам надо было перейти улицу.

Учительница сказала:

– Встаньте парами и дайте друг другу руки. И будьте очень внимательны.

Это мне меньше понравилось, ведь моя пара – Альцест, мой друг, он очень толстый и все время ест, поэтому ему не слишком приятно давать руку. Я очень люблю Альцеста, но руки у него всегда то жирные, то липкие – смотря что он ест. Но сегодня мне повезло: у него оказались сухие руки!

– А что же ты ешь, Альцест? – спросил я.

– Крекеры! – ответил он, засыпав мне при этом крошками все лицо.

В паре с учительницей шел Аньян. Это первый ученик в нашем классе и любимчик учительницы. Мы его не очень-то любим, но ему не часто достается, потому что он носит очки.

– Вперед марш! – скомандовал Аньян, и мы стали переходить улицу, а полицейский остановил машины, чтобы пропустить нас.

Вдруг Альцест вырвал у меня руку и сказал, что он сейчас вернется: забыл в классе карамельки. Альцест стал переходить улицу в обратном направлении, двигаясь прямо сквозь ряды ребят, разбивая пары и внося этим беспорядок.

— Куда ты, Альцест? — закричала учительница. — Возвращайся немедленно!

— Да-да, куда ты, Альцест? — повторил за ней Аньян. — Немедленно возвращайся!

Эдесу это не понравилось. Эдес очень сильный и он очень любит давать людям кулаком прямо в нос.

— Чего ты вмешиваешься, любимчик? Сейчас дам тебе в нос! — сказал он, продвигаясь к Аньяну.

Аньян спрятался за учительницу и сказал, что не надо его бить — у него очки.

Тогда Эдес, который шел в последнем ряду, потому что он самый высокий, стал расшвыривать всех ребят: ему хотелось поскорее добраться до Аньяна, снять с него очки и двинуть ему по носу.

— Эдес, вернитесь на место! — закричала учительница.

— Так-так, Эдес, — подхватил Аньян, — вернитесь на место!

— Не хочу вас беспокоить, — сказал полицейский, — но я уже довольно давно остановил движение, ну, и если вы намерены давать урок посреди мостовой, на переходе, то я пропущу машины через школу!

Нам бы очень хотелось посмотреть на такое,

но учительница стала вся красная, и по тону, которым она приказала нам войти в автобус, стало понятно, что не время веселиться. Все быстро послушались.

Автобус тронулся, полицейский сделал машинам знак проезжать, и вдруг мы услышали ужасный визг тормозов и крики. Это Альцест перебежал улицу со своим пакетом карамелек в руках.

В конце концов Альцест тоже влез в автобус, и мы наконец уехали. Перед тем как автобус повернул за угол, я увидел полицейского: он бросил свою белую палочку на землю прямо посреди сцепившихся между собою машин.

Мы вошли в музей – парами, послушно, – потому что мы очень любим нашу учительницу и заметили, что она сильно нервничает, совсем как мама, когда папа роняет пепел от сигареты на ковер.

Мы очутились в большом зале, где на стенах висело множество картин.

– Вы увидите здесь полотна великих мастеров фламандской школы, – объяснила учительница.

Она не смогла объяснять дальше, потому что прибежал музейный смотритель и стал кричать на Альцеста, который потрогал пальцем картину, чтобы определить, свежая ли краска. Смотритель сказал, что картины нельзя трогать, а Альцест

стал с ним спорить и говорить, что трогать можно, раз руки у него сухие и он ничего не испачкает.

Учительница велела Альцесту успокоиться и пообещала зрителю хорошенько следить за нами. Зритель ушел, качая головой.

Пока учительница продолжала свои объяснения, мы катались по полу, как по ледянке: плитки оказались очень скользкими. Мы все были заняты этой игрой, кроме учительницы, которая, повернувшись к нам спиной, рассказывала, что нарисовано на картинах, и Аньяна, стоявшего рядом с ней, внимательно слушавшего и что-то записывавшего.

Альцест тоже не катался с нами. Он остановился перед маленькой картиной, где были нарисованы рыбы, бифштексы и фрукты, смотрел на нее и облизывался.

Нам было очень весело, а Эдес – он катался лучше всех – смог проехать за один раз почти весь зал.

После катанья мы начали было играть в чехарду, но пришлось перестать, потому что Аньян обернулся и сказал:

– Мадемуазель, посмотрите: они играют!

Эдес разозлился и двинулся на Аньяна, а тот не видел, что он к нему пошел, потому что как раз снял свои очки, чтобы протереть их. Не

повезло Аньяну: если бы он не снял очки, то не получил бы прямо в нос!

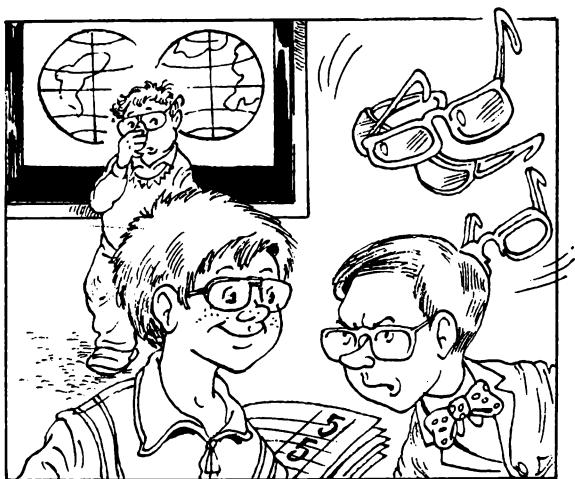
Тут пришел смотритель и спросил, не считает ли учительница, что нам пора уходить. Учительница ответила, что да, пора, с нее достаточно.

Ну, значит, мы стали выходить из музея, а Альцест подошел к смотрителю. Под мышкой у него была маленькая картина, которая так ему понравилась (где рыбы, бифштексы и фрукты), он сказал, что хочет купить эту картину и спросил у смотрителя, сколько тот возьмет за нее.

Когда мы наконец совсем ушли из музея, Жоффруа сказал учительнице, что если уж она так любит картины, то пускай приходит к нему домой: у его папы и мамы шикарная коллекция, о которой говорят все. Учительница провела рукой по лицу и сказала, что не хочет больше никогда в жизни видеть ни одной картины и не хочет даже, чтобы при ней говорили о картинах.

Тогда я понял, почему учительница осталась недовольна днем, проведенным с классом в музее: в глубине души она просто не любит картины.

У КЛОТЕРА ОЧКИ

Когда Клотер пришел в школу сегодня утром, мы увидели, что у него – очки! Клотер – хороший парень, но учится он плохо: последний ученик в классе. Клотер сказал нам:

– Доктор объяснил моим родителям, что я последний из-за того, что плохо вижу написанное на доске. Ну и мои родители купили мне очки.

И теперь – все! Я буду хорошо учиться и перестану быть последним.

Не знаю, верно ли это, но наш первый ученик, Аньян, и в самом деле носит очки, Аньян очень огорчился, увидев Клотера в очках. Аньян – любимчик учительницы. Но мы, мы-то были очень рады, мы не любим Аньяна, но зато здорово любим Клотера: он – хороший товарищ.

– Видел мои очки? – спросил Клотер у Аньяна. – Теперь я буду первым учеником, и учительница будет любить меня. Теперь я буду ходить за географическими картами и вытирать доску. Вот так-то!

– Нет, месье! Нет, месье! – ответил Аньян. – Первый – это я! И ты вообще не имеешь права приходить в школу в очках!

– Не имею права! Почему бы это? – поинтересовался Клотер. – Не быть тебе больше любимчиком учительницы. Вот так-то!

– А я попрошу моего папу, он мне тоже купит очки, и я тоже стану первым, – сказал Руфус.

– Мы все попросим наших пап купить нам очки! – закричал Жоффруа. – И мы все станем первыми и все станем любимчиками!

Тогда Аньян стал кричать и плакать. Он сказал, что никто не имеет права быть первым. Он вопил:

– Я скажу папе! Я скажу маме! Никто меня не любит! Это я первый! Я всегда буду первым!

Тогда пришел учитель старших классов и спросил:

– В чем дело? Аньян, почему ты так кричишь?

– Они хотят носить мои очки! – ответил Аньян.

Учитель сказал:

– Не кричите так, а то я вас накажу. Хорошо поняли? – И ушел.

Я спросил у Клотера:

– Скажи-ка, Клотер, ты будешь нам одалживать свои очки, когда нас вызовут к доске?

– Да, и еще во время контрольных, – добавил Мексан.

– Нет, на контрольных я буду надевать их сам, – ответил Клотер, – потому что хочу стать первым учеником. Но чтобы идти к доске, я вам, конечно, их одолжу.

Он точно хороший товарищ, этот Клотер. Я спросил его:

– А сразу, вот прямо сейчас, дашь мне свои очки?

– Само собой, – сказал Клотер и протянул мне очки.

Я надел очки Клотера и стал маршировать, но это было очень трудно, потому что как посмотришь на свои ноги, кажется, что они у самого лица.

А потом я отдал очки Жоффруа, а Жоффруа — Руфусу, а Руфус — Иоахиму, а Иоахим кинул их Эдесу. Потом очки попросил Альцест, но Клотер сказал ему:

— Нет, не бери мои очки. У тебя грязные руки. Смотри! Ты ел бутерброды, и у тебя все пальцы в масле!

Альцест хотел побить Клотера, но было уже восемь часов, и нам надо было идти в класс. Клотер сказал Альцесту:

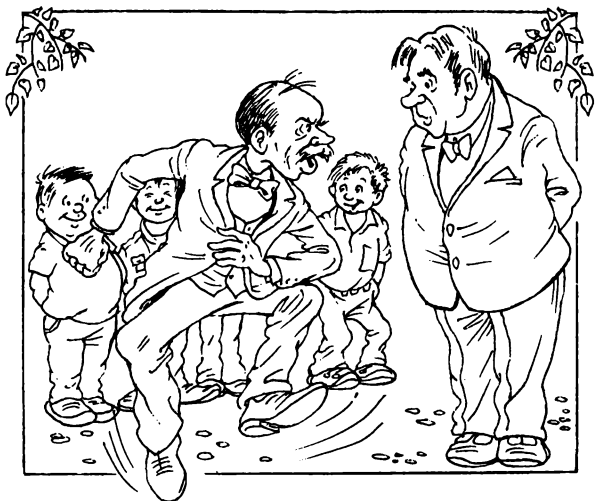
— Знаешь, когда у тебя будут чистые руки, я одолжу тебе очки.

У нас начался урок географии, Клотер дал очки Альцесту. Альцест хорошенько вытер руки курткой, взял очки и надел их. Но он не увидел учительницу, которая стояла прямо перед ним.

— Та-ак, отлично, Альцест, вы паясничаете, — сказала учительница. — Выйдите из класса. И побыстрее, пожалуйста!

Альцест вышел с очками на носу. И тогда учительница вызвала Клотера к доске. Вопрос был нетрудный, но Клотер, конечно, и рта не открыл. Он ничего не знал, потому что был без очков. И учительница поставила ему ноль.

ПАРАД

В квартале, где находится наша школа, должны открыть памятник, и мы будем участвовать в параде.

Так нам сказал директор, когда вошел в класс сегодня утром, и все встали, кроме Клотера, который спал и потому был наказан. Клотер ужасно удивился, когда его разбудили, чтобы ска-

зять: он останется после уроков. Он стал плакать, и было столько шума, что я подумал: лучше бы его оставили спать.

– Дети мои, – сказал директор, – на этой церемонии будут представители правительства, пехота будет стоять в почетном карауле, а ученикам нашей школы оказана высокая честь пройти парадом перед монументом и возложить цветы. Рассчитываю на вас и надеюсь, вы будете себя вести, как настоящие маленькие мужчины.

И потом директор объяснил нам, что взрослые будут репетировать парад прямо сейчас, а мы после них – на последнем уроке. Поскольку последним уроком была грамматика, мы все очень обрадовались. Отличная идея – репетировать парад! Мы все стали говорить разом, когда директор вышел из класса, и учительница постучала линейкой по столу и начала урок арифметики.

Когда наступило время урока грамматики, учительница велела нам спуститься во двор, где нас ждали директор и Бульон. Бульон – наш надзиратель, его так прозвали, потому что он все время говорит: «Посмотрите-ка мне в глаза», а на бульоне тоже плавают глазки, но, мне кажется, я вам об этом уже рассказывал.

– А-а, – сказал директор, – вот и наши мужчины, господин Дюбон. Надеюсь, вы с ними спра-

витель так же успешно, как только что со взрослыми.

«Господин Дюбон» – так директор называл Бульона – обрадовался и сказал, что был унтер-офицером и что научит нас дисциплине и хождению строевым шагом.

– Вы их просто не узнаете, когда мы закончим, месье, – сказал Бульон.

– Хорошо, если так, – улыбнулся директор и ушел.

– Отлично, – сказал нам Бульон. – Чтобы пройти парадом, нужно прежде всего избрать направляющего. Направляющий стоит по стойке «смирно», а все остальные равняются на него. Обычно выбирают самого высокого. Понятно?

Потом он осмотрел нас всех, показал пальцем на Мексана и сказал:

– Вы будете направляющим.

Тогда Эдес сказал:

– Вовсе нет, он не выше всех, он так выглядит, потому что у него здоровенные ноги, но я выше его!

– Смеешься? – спросил Мексан. – Я не только уже выше тебя, но моя тетя Альберта, которая вчера к нам приходила, говорит, что я еще подросток. Я непрерывно расту!

– Хочешь пари? – спросил Эдес, и, поскольку

Мексан очень хотел поспорить, они встали спиной к спине, но никто так и не узнал, кто выиграл, потому что в этот момент Бульон закричал, чтобы мы выстроились по трое, неважно как, и это заняло немало времени.

А потом, когда мы уже стояли по трое, Бульон встал перед нами, закрыл один глаз, потом махнул рукой и сказал:

– Вы! Немного левее! Николя, направо! А вы тоже пройдите левее, и вы, и вы! А вы – правее!

Много смеху было с Альцестом: он очень толстый и один занимал сразу два места.

Когда Бульон закончил наше построение, у него был очень довольный вид, он потирал руки, а потом повернулся к нам спиной и крикнул:

– Отделение! По моей команде...

– А что за цветы? – вдруг спросил Руфус. – Директор сказал, мы должны возложить к монументу цветы.

– Просто букет, – сказал Аньян.

Он псих, этот Аньян, он думает, что может выступать по любому поводу, потому что он первый ученик и любимчик учительницы.

– Разговорчики в строю! – закричал Бульон. – Отделение! По моей команде – вперед марш!

– Мсье! – закричал Мексан. – Эдес встает на

цыпочки, чтобы выглядеть выше меня! Он жульничает!

– Ябеда паршивый! – сказал Эдес и дал Мексану в нос кулаком, а Мексан ударил его ногой, а мы все встали вокруг, чтобы посмотреть, потому что когда Мексан и Эдес на переменке дерутся, это очень здорово, ведь они самые сильные в классе.

Бульон подскочил и, крича, стал разнимать их. Он сказал, что Эдес и Мексан останутся после уроков.

– Вот тебе и цветочки! – сказал Мексан.

– Просто букет, как сказал Аньян, – добавил Клотер и стал хохотать, а Бульон и его оставил после уроков. Конечно, Бульону не было известно, что его, Клотера, и так уже оставили...

Бульон провел рукой по лицу, а потом снова стал нас строить, и это было нелегко, потому что мы все время двигались. А потом Бульон смотрел на нас долго-долго, и мы поняли, что сейчас не до шуток. А потом Бульон отступил немного назад и наступил на Иоахима, который оказался позади него.

– Надо быть осторожнее! – заметил Иоахим.

Бульон стал весь красный и закричал:

– Откуда вы взялись?

– Ходил попить, пока Мексан с Эдесом дра-

лись, – объяснил Иоахим. – Я думал, они будут драться подольше.

Бульон сообщил и ему тоже, что он останется после уроков, и велел встать на свое место.

– Посмотрите-ка мне в глаза! Первого же из вас, кто шевельнется или скажет хоть одно слово, я исключу из школы, ясно?

А потом Бульон повернулся, поднял руку и закричал:

– Отделение! По моей команде вперед... шагом марш!

Бульон сделал несколько шагов, весь прямой как палка, а потом посмотрел назад, но когда он увидел, что мы стоим на месте, я подумал: сейчас взбесится, как месье Бледюр, наш сосед, когда папа в прошлое воскресенье полил его из шланга через изгородь.

– Почему вы не слушаетесь? – спросил Бульон.

– А что? – удивился Жоффруа. – Вы же приказали нам не двигаться!

Вот тут Бульон и правда взбесился.

– Я вас всех поубиваю! – заорал он. – Будущие каторжники! Разбойники!

Так он орал и орал, и многие из нас стали плакать, и прибежал директор.

– Месье Дюбон, – сказал директор. – Вас слыш-

но в моем кабинете. Думаете, это лучший способ говорить с маленькими детьми? Вы теперь не в армии!

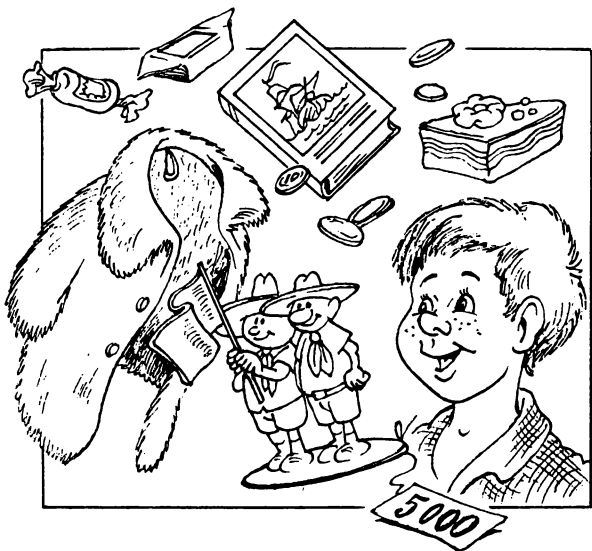
– В армии? – завопил Бульон. – Я был старшим сержантом в пехоте, так это просто церковные певчие, пехотинцы, просто церковные певчие по сравнению с этой бандой!

И Бульон удалился, размахивая руками, а за ним пошел директор, приговаривая:

– Ну ладно, Дюбон, дорогой мой, ну ладно, успокойтесь...

Открытие памятника было великолепным, но директор передумал, и мы не участвовали в параде, просто сидели на скамьях за солдатами. Очень жаль, что не было Бульона. Кажется, он уехал отдыхать на две недели к своей семье в Ардеш.

БОЙСКАУТЫ

Все ребята скинулись, чтобы собрать деньги на подарок учительнице: у нее завтра день рождения. Прежде всего надо было сосчитать, сколько мы собрали. Считал Аньян – он первый по арифметике. Мы все были очень рады, потому что Жоффруа принес большую бумажку в пять тысяч старых франков, ему дал папа, его папа

очень богатый и всегда дает ему все, чего только Жоффруа захочет.

– У нас есть 5 207 франков, – сказал Аньян. – С такими деньгами можно купить прекрасный подарок.

Плохо было то, что мы не знали, что купить.

– Надо подарить ей коробку конфет или кучу шоколадных булочек, – предложил Альцест, мой друг-толстяк, который все время ест.

Но мы не согласились с ним, потому что если уж покупаешь что-нибудь вкусное, то надо всем попробовать, а тогда учительнице ничего не достанется.

– Мой папа подарил маме меховое манто, и моя мама была ужасно довольна, – сообщил Жоффруа.

Это была отличная идея, но Жоффруа сказал, что такая вещь должна стоить дороже 5 207 франков, потому что его мама была ужасно, ужасно довольна.

– А если нам подарить ей книгу? – спросил Аньян.

Мы расхохотались: он псих, этот Аньян!

– А ручку? – придумал Эдес.

Но Клотер разозлился. Клотер учится хуже всех, и он сказал, что ему будет неприятно, когда учительница начнет ставить ему плохие отметки ручкой, которую он же сам ей и подарил.

— Совсем рядом с моим домом, — сказал Руфус, — есть магазин, где продают подарки. Там классные вещи! Там мы точно найдем, что надо.

Это было здорово придумано, и мы решили все вместе пойти в магазин после уроков.

Когда мы оказались перед магазином, то стали разглядывать витрину, и это было потрясающе! Там была целая куча классных подарков: статуэтки, стеклянные салатницы, кувшин: из тех, что никогда не подают дома, множество вилок и ножей и даже часы. Но самыми красивыми были, конечно, статуэтки. Там была одна, изображавшая господина в плавках, пытавшегося остановить двух сердитых лошадей, потом другая — дама, стрелявшая из лука, у лука не было тетивы, но слеплено было так здорово, что казалось: она есть. Эта статуэтка очень подходила еще к одной: ко льву со стрелой в спине, который вытянул свои задние лапы. Еще были два совершенно черных тигра, которые быстро бежали, и раскрашенные бойскауты, и собачки, и слоны, и еще один господин — он стоял в магазине и подозрительно смотрел на нас.

Когда мы вошли в магазин, этот господин подошел к нам и замахал руками.

— Идите, идите отсюда, — сказал он. — Быстро! Здесь не место для игр, ну!

– Мы пришли не играть, – объяснил Альцест, – мы пришли купить подарок.

– Подарок для учительницы, – сказал я.

– У нас есть деньги, – сказал Жоффруа.

А Аньян вытащил из кармана 5 207 франков и сунул их под нос господину, который сказал:

– Ах так, ну что ж, только ничего не трогайте!

– Это сколько стоит? – спросил Клотер, взяв с прилавка двух лошадей.

– Осторожнее! Поставь на место! Это можно разбить! – закричал господин, который и правда мог опасаться, потому что Клотер очень неловкий и бьет все подряд.

Клотер смутился, поставил статуэтку на место, и господин едва успел подхватить слона, которого Клотер чуть не смахнул локтем с прилавка.

Мы рыскали повсюду, а господин бегал по магазину и кричал:

– Нет, нет, нет, не трогайте! Разобьется!

Лично мне было жалко этого господина: должно быть, тяжело работать в магазине, где все бьется. А потом господин попросил нас собраться всем вместе посреди магазина, руки за спиной, и сказать ему, что, в конце концов, мы хотим купить.

– А что можно из классного купить за 5 207 франков? – спросил Иоахим.

Господин огляделся, потом вынул из витрины двух раскрашенных бойскаутов, прямо как настоящих. Я не видел ничего лучше, даже на ярмарке, в тире.

— Вот это вы можете приобрести за пять тысяч, — сказал господин.

— Даже меньше, чем мы хотели, — прошептал Аньян.

— Что до меня, — сказал Клотер, — я предпочитаю лошадей.

И опять пошел за ними к прилавку, но господин обогнал его и сам взял этих лошадей.

— Ну, ладно, — сказал господин, — берете бойскаутов или нет?

Поскольку у него был такой вид, что сразу было ясно: он не шутит, — мы сказали, что берем. Аньян заплатил пять тысяч франков, и мы вышли из магазина с бойскаутами.

На улице мы заспорили, кому хранить подарок до завтра и отдавать его учительнице.

— Я сделаю это, — сказал Жоффруа, — потому что я дал больше всех денег.

— А я первый ученик в классе, — не согласился Аньян, — значит, дарить должен я.

— Ты просто любимчик, — сказал Руфус.

Аньян заплакал и пожаловался, что он несчастный, но не стал кататься по земле, как обычно,

потому что в руках у него были бойскауты и он боялся их разбить. Пока Руфус, Эдес, Жоффруа и Иоахим дрались, я сообразил вот что: можно кинуть жребий – орел или решка, – чтобы тот, кто выиграет, отдал подарок учительнице. Это заняло немало времени, мы уронили две монеты в грязь, а потом выиграл Клотер. Мы были совершенно растеряны, потому что бедняга Клотер постоянно все разбивает и из-за этого подарок может не дожить до дня рождения учительницы. Но пришлось все-таки отдать бойскаутов Клотеру, правда, Эдес предупредил его, что если он разобьет их, то получит кучу ударов в нос. Клотер сказал, что будет осторожен, и пошел домой с подарком. Он шел очень медленно, высунув кончик языка от напряжения. А у нас осталось еще 205 франков, и мы купили на них много шоколадных булочек, и нам совсем не хотелось есть за ужином, и наши папы и мамы решили, что мы заболели.

Назавтра все пришли в школу, ужасно беспокоясь, но очень обрадовались, увидев Клотера с бойскаутами в руках.

– Я всю ночь не спал, – признался Клотер, – так боялся, что они упадут с тумбочки.

В классе я глаз не сводил с Клотера: как он смотрит на бойскаутов, которых спрятал под

партой. Я здорово завидовал ему, потому что когда Клотер отдаст учительнице наш подарок, она обрадуется и поцелует его, а Клотер весь покраснеет, потому что учительница бывает очень красивая, когда радуется, почти как моя мама.

– Что ты прячешь под партой, Клотер? – вдруг спросила учительница.

И с сердитым выражением лица подошла к парте Клотера.

– Ну-ка, отдай то, что ты прячешь! – приказала она.

Клотер отдал ей подарок, учительница посмотрела на него и сказала:

– Сколько раз надо говорить, что нельзя приносить в класс всякие гадости! Я забираю это до конца уроков, и я тебя накажу.

А потом, когда мы хотели отдать бойскаутов обратно в магазин и забрать наши деньги, мы не смогли этого сделать, потому что Клотер уронил их и они разбились.

НАС ОБСЛЕДУЮТ

В то утро нам не надо было идти в школу, но в этом не было ничего хорошего, потому что вместо школы пришлось идти в диспансер, где должны были нас обследовать, чтобы определить, не больные ли мы и не сумасшедшие ли. В классе каждому из нас выдали бумажку, которую мы должны были отдать нашим родителям, и объ-

яснили, что мы обязаны явиться в диспансер с нашими свидетельствами о прививках, нашими мамами и нашими школьными дневниками. Учительница сказала, что нам предложат «тест». Тест – это когда тебя заставляют рисовать, чтобы посмотреть, сумасшедший ты или нет.

Когда я пришел с мамой в диспансер, там уже были Руфус, Жоффруа, Эдес и Альцест, и вид у них был какой-то невеселый. Надо сказать, всякие там поликлиники мне самому не очень нравятся, я их побаиваюсь. Там все белое и пахнет лекарствами. Все ребята были с мамами, кроме Жоффруа, у которого папа очень богатый и поэтому прислал с ним Альбера, своего шофера. А потом пришли со своими мамами Клотер, Мексан, Иоахим и Аньян, и Аньян своим ревом наделал шума...

Очень любезная дама в белом позвала наших мам и взяла у них наши свидетельства о прививках. Потом она сказала, чтобы мы потерпели, доктор скоро нас примет. Но у нас и не было никакого нетерпения. Мамы стали разговаривать между собой, гладить нас по голове и говорить, какие мы хорошенькие. А шофер Жоффруа вышел на улицу протереть свою большую черную машину.

– Мой такой нервный! – сказала мама Руфуса. – Я просто не могу заставить его покушать!

– Не похож на моего, – сказала мама Альцеста, – мой нервничает только тогда, когда не кушает.

– По-моему, – сказала мама Клотера, – их заставляют слишком много работать в школе. Просто какое-то безумие, мой ничего не успевает. В наше время...

– О, не знаю, дорогая! – перебила ее мама Аньяна. – Моему все дается очень легко. Все, конечно, зависит от самого ребенка. Аньян, если ты не перестанешь плакать, я тебя отшлепаю перед всеми!

– Может быть, ему и дается все очень легко, моя дорогая, – ответила мама Клотера, – но, кажется, бедняжка не слишком уравновешен. Разве не так?

Маме Аньяна вроде бы не очень понравилось то, что сказала мама Клотера, но ответить она не успела: к нам вышла дама в белом и сказала, что обследование начинается, нам надо раздеться. Аньяну это пришлось не по душе. Мама Аньяна стала кричать, мама Клотера смеяться, и из кабинета вышел доктор.

– Что здесь происходит? – спросил он. – Эти школьные осмотры всегда приводят меня в ужас! Спокойно, дети, или я скажу, чтобы ваши учителя наказали вас! Раздевайтесь, да побыстрее!

Мы разделись, и было очень странно оказать-

ся совершенно голым перед всеми. Каждая мама рассматривала приятелей своего ребенка, и все мамы сидели с таким выражением лица, какое бывает у моей, когда она покупает рыбу и говорит продавцу, что она не свежая.

– Отлично, ребята, – сказала дама в белом. – А теперь пройдите вон в ту комнату, доктор вас осмотрит.

– Я не хочу без мамы! – завопил Аньян, не более одетый, чем все остальные, хотя и в очках.

– Хорошо, – сказала дама в белом, – вы можете пройти с ним, мадам, но постарайтесь его успокоить.

– Ах, извините, – сказала мама Клотера, – но если эта дама может пройти со своим сыном, я не понимаю, почему я не могу войти со своим.

– А я хочу, чтобы Альбер пошел со мной! – закричал Жоффруа.

– А ты ненормальный! – сказал ему Эдес.

– Ну-ка, повтори! – потребовал Жоффруа, а Эдес стукнул его в нос.

– Альбер! – заорал Жоффруа, и шофер прибежал в ту же минуту, что и доктор.

– Это невероятно! – сказал доктор. – Пять минут назад тут только один неважно себя чувствовал, а теперь еще у одного течет кровь из носа! Это не диспансер, это поле битвы!

– Вот что, – сказал Альбер, – я отвечаю за этого ребенка так же, как и за машину. Мне бы хотелось отдать их обоим хозяину без единой царапинки. Понятно?

Доктор посмотрел на Альбера, открыл рот, потом закрыл его и рукой показал нам, чтобы мы прошли в его кабинет вместе с мамой Аньяна. Там, в кабинете, доктор начал осмотр со взвешивания.

– Ну, давайте, – сказал он. – Сначала ты, – и показал на Альцеста, который попросил дать ему доесть шоколадную булочку, потому что у него нет кармана, куда ее положить.

Доктор вздохнул, потом велел мне встать на весы и обругал Иоахима, который поставил на них ногу, чтобы я получился потяжелее. Аньян не хотел взвешиваться, но его мама пообещала ему кучу подарков, и он пошел на весы ужасно дрожа, а когда взвешивание закончилось, с плачем бросился к своей маме. Руфус и Клотер хотели взвеситься вместе – так смешнее, а пока доктор ругал их за это, Жоффруа лягнул Эдеса, чтобы отомстить тому за удар в нос. Доктор рассердился и сказал, что с него хватит, что если мы не перестанем валять дурака, он всем нам поставит клизму, и что надо было ему лучше стать адвокатом, как советовал его отец. Потом доктор

велел каждому высунуть язык, послушал специальной штучкой грудь, заставил покашлять и обругал Альцеста за то, что тот заплевал его крошками.

Потом доктор велел нам сесть за стол, дал бумагу и карандаши и сказал:

— Дети мои, нарисуйте все, что придет вам в голову, но — предупреждаю вас: первый, кто станет кривляться, так заработает по попе, что надолго запомнит это!

— Только попробуйте, я позову Альбера! — закричал Жоффруа.

— Рисуйте!!! — закричал доктор.

Мы принялись работать. Я нарисовал шоколадный пирог, а Альцест — тулузское рагу из мяса с бобами. Это он мне сам объяснил, потому что с первого взгляда было непонятно, что там такое изображено. Аньян нарисовал карту Франции с департаментами и столицами этих департаментов. Эдес и Мексан нарисовали ковбоев на лошадях. Жоффруа нарисовал замок с кучей автомобилей вокруг него и написал: «Это мой дом». Клотер вообще ничего не нарисовал, он сказал — это потому, что его не предупредили и он не подготовился. Руфус нарисовал совершенно голого Аньяна и подписал: «Аньян — любимчик!» Аньян увидел его рисунок и заплакал, а Эдес в

это время закричал: «Месье! Мексан списывает!» Было очень здорово: все разговаривали и смеялись, Аньян ревел, Эдес с Мексаном дрались, а потом пришли наши мамы с Альбером.

Когда мы уходили, доктор уселся на край стола и молча вздыхал. Дама в белом принесла ему стакан воды и пилюли, а доктор стал рисовать револьверы.

Он псих, этот доктор!

РУКА КЛОТЕРА

Клотер дома наступил на свой красный грузовичок, упал и сломал руку. Мы очень жалели Клотера, потому что он наш товарищ, а еще потому, что этот грузовичок (я его видел: такой славный, с зажигающимися фарами!) после того, как на него наступил Клотер, наверное, уже не починишь.

Мы хотели навестить Клотера, но его мама

нас не пустила. Мы ей сказали, что мы друзья Клотера и хорошо его знаем, а она нам ответила, что она нас очень хорошо знает, а Клотер болен и нуждается в отдыхе.

Поэтому сегодня мы очень обрадовались, когда Клотер пришел в школу. У него рука была подвязана чем-то вроде полотенца, которое висело на шее, как в фильмах, когда молодого человека ранят, ведь в фильмах молодого человека всегда ранят в руку или в плечо, и комиксы, которые играют этих молодых людей, заранее должны знать об этом и остерегаться.

Поскольку занятия уже полчаса как начались, Клотер пошел извиняться перед учительницей, но она его и не собиралась ругать, а, наоборот, сказала:

— Я очень рада видеть тебя снова, Клотер. Ты очень мужественный мальчик, раз пришел на занятия с рукой в гипсе. Надеюсь, тебе уже не больно.

Клотер вытаращил глаза: он хуже всех учится и не привык, чтобы учительница так с ним разговаривала, особенно когда он опаздывает. Клотер так и стоял с открытым ртом, пока учительница не сказала ему:

— Иди садись на место, малыш!

Когда Клотер уселся на свое место, мы сразу

стали задавать ему вопросы: больно ли ему, твердая ли это штука вокруг его руки, ну и тоже сказали ему, что рады его видеть, но учительница закричала, чтобы мы оставили нашего товарища в покое и что она не хочет, чтобы мы использовали его несчастье как предлог, чтобы отвлекаться от занятий.

– Ну да, – сказал Жоффруа, – что ж мы, теперь не можем и поговорить с товарищем?

Учительница поставила его в угол, а Клотер стал смеяться.

– Сейчас будем писать диктант! – сказала учительница.

Мы достали свои тетрадки, и Клотер тоже по-пробовал достать свою из ранца одной-единственной рукой.

– Сейчас помогу тебе, – предложил Иоахим, который сидит с ним.

– Тебя не звали! – сказал Клотер, а учительница посмотрела на него и сказала:

– Нет-нет, малыш, тебя это, конечно, не касается, ты отдыхай!

Клотер перестал рыться в ранце и притворился ужасно грустным оттого, что он не будет писать диктант.

Диктант был жуткий – с кучей таких слов, как «хризантема» или там «двудольные», в которых

все всегда делают ошибки, и единственный, кто все написал правильно, был Аньян, потому что он первый ученик и любимчик учительницы. А я, когда попадалось трудное слово, смотрел на Клотера, и он смеялся.

А потом прозвонил колокольчик на перемену. Первым вскочил Клотер.

– Может быть, тебе лучше не спускаться во двор с ребятами, раз у тебя болит рука? – спросила учительница.

Клотер сначала сделал опять такое же выражение лица, как когда нам сказали, что мы будем писать диктант, но к тому же еще и раздосадованное, а потом сказал:

– Доктор, вообще-то, велел мне побольше бывать на воздухе, иначе могут быть сильные осложнения...

Учительница сказала, что в таком случае – да, конечно, но нужно быть очень осторожным, и предложила Клотеру выйти из класса первым, чтобы мы не могли задеть его на лестнице. И прежде чем выпустить нас во двор, прочитала целую лекцию: мы, мол, должны быть внимательными, не играть в дикие игры и – еще – оберегать Клотера, чтобы он нечаянно сам не сделал себе больно. Мы потеряли жутко много времени от перемены, пока ее слушали. Когда мы нако-

нец спустились во двор, то сразу увидели, как Клотер играет в чехарду с ребятами из другого класса, а они ужасно глупые, и мы их не любим.

Все собрались вокруг Клотера и накидали ему кучу вопросов. Клотер, кажется, ужасно загордился, что вызвал такой интерес. Его спросили, сломался ли его красный грузовичок. Он ответил, что да, но что ему подарили, пока он болел, множество подарков, чтобы он утешился. Ему подарили парусник, и шашки, и два автомобиля, и поезд, и кучу книжек, которые он обменяет на другие игрушки. А потом он сказал, что все к нему были очень добры: доктор каждый раз приносил конфеты, мама и папа поставили в его комнате телевизор, и ему все время давали все вкусное. Когда заговорили о вкусном, Альцест почувствовал, что он голодный, ну, вы помните, Альцест – наш приятель, который все время ест. Он вытащил из кармана большую плитку шоколада и стал ее кусать.

– Дашь мне дольку? – спросил Клотер.

– Нет, – ответил Альцест.

– А моя рука? – спросил Клотер.

– Держи карман шире, – ответил Альцест.

Такой ответ совсем не понравился Клотеру, и он стал кричать, что над ним издеваются, потому что у него сломана рука, и с ним бы так не обра-

щались, если бы он мог отколотить кулаками, как все. Он так кричал, этот Клотер, что прибежал надзиратель.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Он издевается, потому что у меня сломана рука! — ответил Клотер, показывая пальцем на Альцеста.

Альцест был ужасно недоволен, он попробовал все объяснить, но рот у него был набит шоколадом, и он заплевал шоколадом все вокруг, и никто ничего не понял из того, что он сказал.

— И вам не стыдно? — спросил надзиратель у Альцеста. — Издеваться над больным товарищем! В угол!

— Вот именно! — сказал Клотер.

— Интересно, — сказал Альцест, проглотив наконец свой шоколад. — Он сломал руку, валяя дурака, а я за это должен давать ему есть?

— Точно, — вмешался Жоффруа. — И каждый раз, как с ним заговоришь, тебя отправляют в угол. Надоел он нам, в конце концов, со своей рукой!

Надзиратель посмотрел на нас печальными-печальными глазами и заговорил тихо, совсем тихо, как мой папа, когда он объясняет маме, что ему просто необходимо идти на встречу с однополчанами.

— У вас нет сердца, — сказал он нам, этот над-

зиратель. — Я понимаю, вы еще очень молоды, но ваше поведение меня огорчает.

Тут он помолчал, этот надзиратель, да вдруг как закричит:

— В угол! Все!

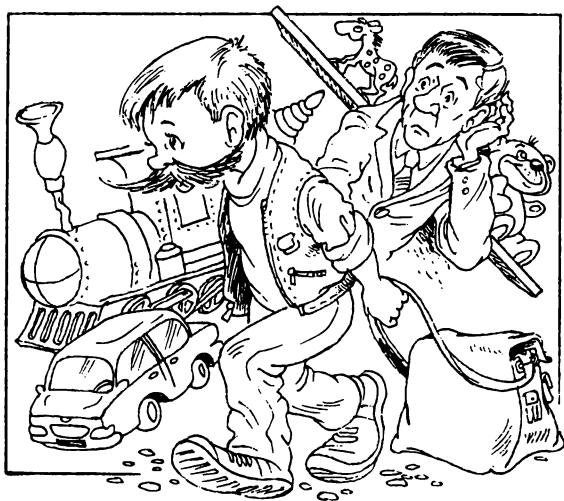
Нам всем пришлось пойти в угол, даже Аньяну, который никогда в жизни еще не стоял в углу и не знал, как это делается, ну, мы ему показали. И мы все стояли в углу, кроме Клотера, конечно. Надзиратель погладил его по голове и спросил, болит ли рука. Клотер ответил, что болит, очень даже болит, ну, и надзиратель отправился заниматься одним большим мальчиком, который вместе с маленьким бил другого большого. Клотер весело посмотрел на нас и пошел доигрывать в чехарду.

Когда я вернулся домой из школы, я был жутко огорчен. Папа, который был уже дома, спросил, что случилось. И я закричал:

— Это несправедливо! Почему это мне никогда не удастся сломать руку?!

Папа удивленно уставился на меня, а я пошел к себе в комнату и там еще долго сердился.

Я УХОЖУ ИЗ ДОМУ

Я ушел из дому! Сейчас объясню почему. Я играл в столовой и не делал ничего плохого, а потом – просто из-за того, что я нечаянно опрокинул бутылку чернил на белую скатерть, – мама пришла и наказала меня. А сама отправилась за покупками.

Тогда я пошел в свою комнату, положил в

ранец маленькую красную машинку, которую подарила мне тетя, заводной поезд и шоколадку, которую не съел на десерт, взял свою копилку и вышел на улицу. До свидания! Я отбываю в далекое-далекое путешествие!

Мама и папа очень расстроятся. Я вернусь домой только тогда, когда мне исполнится двадцать или тридцать лет. Мои родители будут тогда старенькие, как бабуля, а я, я вырасту и отращу красивые усы, как у месье Бледюра, нашего соседа. Я буду путешествовать на больших самолетах, у меня будет большая машина и много своих белых скатертей, на которые я вылью столько бутылок с чернилами, сколько захочу, и тогда мои родители будут очень рады снова со мной увидеться.

Я пришел к дому Альцеста. Альцест – мой друг, он толстяк и очень любит покушать. Альцест стоял перед своим домом и ел кусок хлеба с вареньем. Он спросил меня:

– Куда идешь?

Я объяснил ему, что ушел из дому, и спросил его:

– Хочешь со мной? Когда мы вернемся, мы будем взрослыми, нам будет по двадцать или тридцать лет, у нас будут усы, и наши мамы и папы очень обрадуются, когда нас увидят.

Но Альцест не захотел идти со мной. Он сказал: — Я не могу с тобой идти, моя мама готовит на ужин очень вкусный суп, и рыбу, запеченную в сметане, и шоколадный крем.

Тогда я сказал «до свидания» Альцесту и пошел дальше.

Я повернул направо и остановился. Мне захотелось есть, и я съел шоколадку, чтобы хватило сил на путешествие. Я уйду далеко, ужасно далеко, может быть, в Америку или в Бретань, где был на каникулах в прошлом году, а это очень далеко от нас, там есть море и много-много сидра.

Да, но чтобы уехать так далеко, нужно сесть в поезд или на самолет. Я сел на край тротуара, разбил копилку и посчитал, сколько у меня денег. Оказалось, двенадцать франков. А за двенадцать франков не купишь билет на самолет и даже на поезд. Тогда я пошел в кондитерскую, купил шоколадный эклер и съел его. Надо сказать, он оказался очень вкусным, этот эклер.

Когда я ел эклер, то думал: хорошо, раз у меня нет денег на поезд, я стану путешествовать пешком, конечно, это будет не так быстро, но куда мне торопиться? Завтра я не приду в школу, и тогда учительница скажет ребятам:

— Бедный Николя! Он отправился в долгое путешествие, он ушел очень далеко и вернется со-

всем взрослым, – и все будут говорить обо мне, и всем ребятам будет очень грустно.

Я все время шагал, но шел не очень быстро, и мне пришла в голову идея: я же могу попросить кого-нибудь из друзей одолжить мне велосипед! Я как раз проходил мимо дома Клотера. У Клотера отличный велосипед: весь желтый и блестящий, но Клотер не слишком любит одалживать свою машину.

Я позвонил в дверь дома Клотера, и он сам открыл мне.

– А-а, Николя! Чего тебе надо?

Я ему сказал:

– Твой велосипед.

– Мой велосипед?

– Да. Понимаешь, мне нужен твой велосипед, потому что я ушел из дому, отправляюсь в большое путешествие, папа и мама огорчатся, а я вернусь, когда мне будет двадцать или тридцать лет, когда стану взрослым.

– Отлично, – сказал Клотер. – Когда тебе будет двадцать лет, тогда я тебе и дам мой велосипед. А теперь я смотрю по телеку футбол. Счастливого пути!

И он закрыл дверь у меня перед носом.

Ну, ладно, я не могу отправиться в путешествие на велосипеде Клотера, но я же могу сам

купить себе велосипед! Но где взять деньги? Вот прекрасная мысль! Можно продать игрушки, которые у меня в ранце! Красную машинку и заводной поезд.

А вот и магазин игрушек! Я перешел улицу и подумал: ну конечно же, мои машинка и поезд понравятся продавцу игрушек.

Я вошел в магазин. Господин, который там находился, спросил:

— Что ты хочешь купить, парнишка? Шарики? Мячик?

— Нет, меcье, я ничего не хочу купить, я хочу продать мои игрушки.

Я открыл ранец и поставил машинку и поезд на прилавок перед господином.

Господин ужасно удивился и сказал:

— Но я же не покупаю игрушек, я продаю их!

— А где же вы находите те игрушки, что продаете? Скажите, мне очень интересно!

— Но... но... но я не нахожу их, я их покупаю, — ответил господин.

— Тогда купите у меня мои игрушки!

Господин ответил:

— Но... но... Нет, ты не понимаешь, я их покупаю, но не у тебя, тебе я их продаю, я покупаю их на фабрике, а ты... Ну, ты поймешь, когда подрастешь...

Я не уходил, и господин не знал, что ему делать, потом он искал у себя в ящике, вытащил маленькую машинку и дал мне:

— А теперь быстро возвращайся домой, потому что у меня уже кончился рабочий день, пора закрывать магазин.

Я вышел из магазина. Теперь у меня было две машинки, и я был очень доволен. Было поздно, темнело, на улицах было мало народу. Я побежал. Когда я прибежал домой, мама отругала меня за то, что опоздал к ужину, и наказала: не дала десерта.

Раз так, решено: завтра я уйду из дому! Папа и мама очень огорчатся, а я вернусь, когда стану совсем взрослым, когда у меня вырастут усы!

РАЗДАЧА НАГРАД

Директор школы сказал, что он с огромным волнением смотрит, как мы уходим, что он надеется, мы разделяем его чувства, что он желает нам здорово развлекаться на каникулах, потому что, когда мы вернемся, времени на развлечения не останется, нужно будет браться за работу, и на этом раздача наград закончилась.

Это была классная раздача наград! Утром мы пришли в школу с родителями, которые нарядили нас, как петрушек. Мы были в голубых костюмах и в белых рубашках, таких блестящих, как красно-зеленый галстук, который мама купила папе и который папа не носит, чтобы не испачкать. Аньян – он псих, этот Аньян! – нацепил даже белые перчатки, и мы все захохотали, увидев их, все, кроме Руфуса, который сказал, что его папа, а он работает в полиции, тоже часто надевает белые перчатки, и в этом нет ничего смешного. Нам еще прилизали волосы (у меня все-таки торчал вихор!), а еще подстригли ногти и заставили вымыть уши. Мы были ужасно чистые.

Все ребята с нетерпением ждали этой самой раздачи наград. Не только из-за самих наград, из-за них мы, скорее, беспокоились, а из-за того, что после раздачи наград уже не надо больше ходить в школу: начинаются каникулы. Чуть ли не каждый день я спрашивал папу, скоро ли начнутся каникулы да нельзя ли мне ходить в школу не до последнего дня, потому что некоторые ребята уже уехали, и это несправедливо, и в любом случае в школе уже нечего делать, а я ужасно устал, я даже плакал, но папа велел мне замолчать и сказал, что я свожу его с ума.

Наград хватило на всех. Аньян, который в

нашем классе первый ученик и любимчик учительницы, получил награду за арифметику, награду за историю, награду за географию, награду за грамматику, награду за орфографию, награду за учебу и награду за поведение. Он псих, этот Аньян. Эдес, который очень сильный и любит всем давать в нос, получил награду за успехи в гимнастике. Альцест, мой толстый друг, который все время ест, получил награду за прилежание. Иначе говоря – за то, что он всегда приходит в школу. Он действительно заслужил эту награду, потому что его мама не терпит, когда он толчется на кухне, а уж если никак нельзя находиться на кухне, то лучше уж идти в школу.

У Жоффруа очень богатый папа, который покупает ему что душе угодно, и он получил награду за внешний вид, потому что всегда очень хорошо одет. Иногда он даже приходит в школу одетый ковбоем, марсианином или мушкетером, и это просто классно!

Руфус получил награду за рисование, потому что у него есть огромная коробка цветных карандашей, которую ему подарили на день рождения.

Клотер, который хуже всех учится, получил награду за то, что он хороший товарищ, а я – за красноречие. Мой папа был очень доволен, но,

кажется, немного огорчился, когда учительница объяснила ему, что эта моя награда вовсе не за качество, а за количество. Надо будет спросить у папы, что она хотела сказать.

Учительница тоже получила награды. Каждый из нас принес ей по подарку, который купили наши папы и мамы. У нее собралось четырнадцать авторучек и восемь пудрениц, у нашей учительницы. Она была ужасно довольна и сказала, что у нее никогда еще не было столько всякого такого, даже в прошлые годы. Потом учительница нас поцеловала, велела хорошенько выполнить наши задания на каникулы, быть умниками, слушаться папу и маму, отдыхать, посылать ей почтовые открытки, а после этого ушла. Мы все вышли на улицу, и наши папы и мамы стали сразу же разговаривать друг с другом на тротуаре. Они говорили что-то такое вроде «Ваш хорошо работал», или «Мой болел», или «Наш ленивый, как жаль, он такой способный», или «А когда я был в возрасте этого маленького дурачка, я всегда был первым, но теперь дети не интересуются учебой, и все это из-за телевизора...» А потом они стали нас ласкать, и гладить по головке, и вытирать руки, потому что наши головы были все в бриллиантине.

Все смотрели на Аньяна, который нес кучу

книг, полученных в награду, и на голове у которого был венок из лавровых листьев. Впрочем, директор просил его не спать в этом венке, наверное, из-за того, что он пригодится на будущий год и не надо его мять. Немножко похоже на то, как мама просит меня не наступать на ее бегонии. Папа Жоффруа угостил всех остальных пап толстыми сигарами, а они отложили их на потом, а мамы ужасно веселились и рассказывали, что мы натворили в этом году, и мы здорово удивлялись, потому что когда мы это все вытворяли, мамы вовсе не веселились и даже нас шлепали.

Мы с ребятами говорили о том, какие классные вещи будем делать на каникулах, и все испортил Клотер, который сказал, что станет спасать утопающих, как в прошлом году. Я сказал ему, что он врун, потому что видел этого Клотера в бассейне, он совсем не умеет плавать, а как можно кого-то спасти, если умеешь только лежать на спине? Тогда Клотер стукнул меня по голове книжкой, которой его наградили за то, что он хороший товарищ. Руфус, увидев это, захохотал, и я заехал ему как следует, а он стал плакать и пинать ногами Эдеса. Мы все стали толкаться и веселиться, но тут прибежали мамы и папы, стали совать руки в кучу малу, вытаскивать нас и говорить, что мы неисправимы и что это стыдно. А потом

папы и мамы взяли из нас тех, кто принадлежит им, и все ушли.

По дороге домой я думал, как здорово, что занятия кончились, что уроков больше не будет, не будет домашних заданий, не будет наказаний, не будет перемен, но еще о том, что теперь я не увижу ребят много-много месяцев, мы не сможем больше вместе валять дурака и я буду чувствовать себя ужасно одиноким.

— Ну, Николая, — сказал папа, — вот они и наступили, твои долгожданные каникулы. Что ж ты молчишь?

Я стал плакать, а папа сказал, что я сведу его с ума.

СОДЕРЖАНИЕ

Красивый букет	3
Альцеста исключили	8
Нос дядюшки Эжена.....	15
Часы	22
Выпускаем газету	31
Розовая ваза	38
На переменке деремся.....	45
Кинг	52
Фотоаппарат	59
Рекс	66
Футбол	71
Музей живописи	86
У Клотера очки	92
Парад	96
Бойскауты	103
Нас обследуют	110
Рука Клотера.....	117
Я ухожу из дому	124
Раздача наград	130

Сампе Ж.-Ж., Госини Р.

- С17** Приключения Николя: Рассказы / Пер. с фр. Н. Васильковой; Худож. А. Шахгелдян. – М.: Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2004. – 144 с.: ил. – (Tom Sawyer & С°)

ISBN 5-94851-067-0 (ООО «Глобулус»)

ISBN 5-93196-292-1 (ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС»)

Очень смешные истории, которые чуть ли не каждый день приключаются с французским школьником Николя и его друзьями-одноклассниками.

**УДК 821.131.1
ББК 84(4Фра)**

Литературно-художественное издание

Tom Sawyer & Co

Для младшего и среднего школьного возраста

*Мик-Мак Саммс
Ранз Тосини*

Приключения Николя Рассказы

Редактор В. А. Анкудинов
Художественный редактор С. С. Гераскевич
Технический редактор А. Г. Лев
Корректор А. Н. Арефьева
Компьютерный дизайн Г. В. Котляровой
Компьютерная верстка О. В. Ермаковой

Подписано в печать 23.12.03. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 8,0. Бумага офсетная.
Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Тираж 7000 экз. Изд. № 388. Заказ № 459.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.П.001570.10.03 от 27.10.2003 г.

ООО «Глобулус»
117042, г. Москва, ул. Скобелевская,
д. 1, корп. 6, Бизнес-центр «Калита»
Тел./факс (095) 207-78-43
<http://globulus.enas.ru>

ЗАО «Издательство НИЦ ЭНАС»
115201, г. Москва, Каширское шоссе, д. 22, корп 3
Тел./факс: (095) 113-53-90, 234-71-82
E-mail: pr@enas.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГМП «Первая Образцовая типография»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
115054, г. Москва, ул. Валовая, д. 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО **Глобулус**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

серию книг для детей
**«Приключения на суше
и на море»,**

в которую включены лучшие
произведения классиков
мировой литературы.

Эти книги известны
во всем мире.

В них мужественные
и порой отчаянные герои
отправляются в смелые
путешествия, переживают
головокружительные
приключения, а судьба
постоянно испытывает их
на прочность и закаляет
характеры.

**Приобрести книги можно
в издательстве «ЭНАС»
(генеральный дилер
издательства «Глобулус»):**

115201, г. Москва,
Каширское ш., д. 22, корп. 3
Тел./факс: (095) 113-53-90,
113-30-72, 113-96-63
E-mail: pr@enas.ru
<http://globulus.enas.ru>

Tom Sawyer & Co

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛОБУЛУС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

серию книг для детей
«Том Сойер и К°».

В нее вошли многие
замечательные произведения
мировой литературы,
главные герои которых –
мальчишки. Но читателями
этих книг будут, конечно,
не только мальчики, хотя
серия и предназначена
прежде всего для них.

Девочки тоже найдут здесь
для себя много интересного,
тем более что им всегда так
хочется понять мальчишек:
что движет их порой такими
странными поступками, чем
они живут, о чем мечтают?

Приобрести книги можно
в издательстве «ЭНАС»
(генеральный дилер
издательства «Глобулус»):

115201, г. Москва,
Каширское ш., д. 22, корп. 3
Тел./факс: (095) 113-53-90,
113-30-72, 113-96-63

E-mail: pr@enas.ru
<http://globulus.enas.ru>

ДЕТЕКТИВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

ОПАСНЫЕ ИГРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Глобулус

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

серию остросюжетных
книг для подростков

«Опасные игры».

Вас ждут захватывающие
детективы и необычайные
приключения.

Вы встретитесь
со своими сверстниками,
которые оказываются
в самых неожиданных
и даже смертельно
опасных ситуациях.

Приобрести книги можно
в издательстве «ЭНАС»
(генеральный дилер
издательства «Глобулус»):

115201, г. Москва,
Каширское ш., д. 22, корп. 3
Тел./факс: (095) 113-53-90,
113-30-72, 113-96-63
E-mail: pr@enas.ru
<http://globulus.enas.ru>

Маленькие женщины

ИЗДАТЕЛЬСТВО **Глобулус**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

серию книг для девочек
«Маленькие женщины».

В нее вошли лучшие произведения отечественной и зарубежной литературы, рассказывающие о непростой поре взросления и поисках счастья, о любви и дружбе, о необычайных девичьих судьбах. Знакомясь с жизнью своих сверстниц, юные читатели смогут найти для себя немало интересного и поучительного.

Книги эти переведены на языки многих народов мира.

Приобрести книги можно в издательстве «ЭНАС» (генеральный дилер издательства «Глобулус»):

115201, г. Москва,
Каширское ш., д. 22, корп. 3
Тел./факс: (095) 113-53-90,
113-30-72, 113-96-63
E-mail: pr@enas.ru
<http://globulus.enas.ru>

БРАТСТВО КЛЕНОВОГО ЛИСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО **Глобулус**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

цикл остросюжетных
детективов

АНТОНА ИВАНОВА
и АННЫ УСТИНОВОЙ

«БРАТСТВО КЛЕНОВОГО ЛИСТА»

В него вошли повести:

Тайна пропавшего академика

Тайна заброшенной часовни

Тайна коварной русалки

Тайна украденной рукописи

Тайна княжеской усадьбы

Тайна зеленого «БМВ»

Тайна адмиральской дачи

Тайна старого кладбища

Тайна зловещегоговора

Тайна ведьминог озера

Читатели узнают о драматичных,
а порой и курьезных событиях,
потрясших обитателей старого
дачного поселка Красные Горы.

Приобрести книги можно
в издательстве «ЭНАС»
(генеральный дилер
издательства «Глобулус»):

115201, г. Москва,

Каширское ш., д. 22, корп. 3

Тел./факс: (095) 113-53-90,

113-30-72, 113-96-63

E-mail: pr@enas.ru

<http://globulus.enas.ru>

ВОЛШЕБНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТИМКИ РУЖИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО **Глобулус**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

серию

**«Волшебные приключения
Тимки Ружина»**

АНТОН ИВАНОВ
и АННА УСТИНОВА

«Звезда чародея»

«Чародейские каникулы»

«Чародейство в Москве»

«Чародеи на даче»

Абсолютно достоверная история о невероятных приключениях московского семиклассника Тимки Ружина и его подруги Кассандры в стране На Краю Света, подземном царстве Хасиры, стране гномов и даже... в Москве и на подмосковной даче. Им придется столкнуться со злыми силами и одолеть их с помощью новых друзей.

*«Судьба судьбой,
а выбор – за тобой!»*

Приобрести книги можно
в издательстве «ЭНАС»
(генеральный дилер
издательства «Глобулус»):

115201, г. Москва,
Каширское ш., д. 22, корп. 3
Тел./факс: (095) 113-53-90,
113-30-72, 113-96-63

E-mail: pr@enas.ru
<http://globulus.enas.ru>

